

ТОЧКА ВЗРЫВА

РОССИЯ, КАВКАЗ
и БЛИЖНИЙ ВОСТОК

сборник статей
под редакцией М. А. КОЛЕРОВА

Сентябрь 2012

Издательский дом
РЕГНУМ
Москва 2012

УДК 327.56(470/5-01)(08)
ББК 66.44(2Рос) 66.4(53,302)
Т 54

Т 54 Точка взрыва: Россия, Кавказ и Ближний Восток : Сборник статей под редакцией М. А. Колерова. М. : Издательский дом «РЕГНУМ», 2012. 76 с.
ISBN 978-5-91-887-021-1

УДК 327.56(470/5-01)(08)
ББК 66.44(2Рос) 66.4(53,302)

ISBN 978-5-91-887-021-1

© Издательский дом «Регнум», 2012
© М. А. Колеров, составление, 2012
© Авторы статей, текст, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Олег Иванников</i> Сирия: арабская рулетка	5
<i>Станислав Тарасов</i> Ближний Восток перед лицом суннитско-шиитской войны.....	20
<i>Станислав Тарасов</i> Бумеранг «арабской весны» — от Северной Африки до Закавказья	24
<i>Станислав Тарасов</i> Аншлюс для двух Азербайджанов	30
<i>Олег Иванников</i> Грузинские военные инициативы и безопасность Абхазии и Южной Осетии	34
<i>Виген Акопян</i> «Эпидемия распада»: от Балкан до Средней Азии	41
<i>Константин Казенин</i> Северный Кавказ: внутренние проблемы и их внешнее эхо	51
<i>Модест Колеров</i> Новые точки взрыва: Курдистан, Карабах, Россия.....	66

Олег Иванников

СИРИЯ: АРАБСКАЯ РУЛЕТКА

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ БОРЬБЫ

Политика, экономика и военная безопасность настолько тесно переплелись в современном мире, что известное изречение Клаузевица «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами», — для наших дней требует определённых уточнений. В условиях разгорающейся глобальной борьбы за стратегические запасы природных ресурсов и источники энергии, его вполне справедливо заменить фразой «...насильственными средствами для обеспечения экономического выживания государства». Многообразии форм и сфер, в которых сегодня осуществляется противоборство на межгосударственном уровне, зачастую стирает грань, например, между политическими и экономическими мерами и применением классических боевых действий. Подчас тяжело дать чёткое определение, какая из этих форм более гуманная. Что страшнее: экономическое эмбарго, результатом которого станет безработица, массовое обнищание беднейших слоёв населения, повышение преступности и смертности, активизация суицидов? Или скоротечная военная кампания, в результате которой планируется физическая ликвидация нескольких десятков человек,

с тем же итоговым результатом, который был заложен в экономические санкции?

Война всегда была дорогостоящим мероприятием. Современная война — дорога как никогда ранее. По мере развития и совершенствования оружия и средств поражения, увеличения на порядки стоимости ведения боевых действий, характерных для войн 60–70-х годов двадцатого века, кардинально изменилась сама концепция применения военной силы. Современные войны перестали быть компетенцией исключительно военных. Сегодня важно не только сокрушить военную мощь противника, гораздо важнее лишить его самой возможности оказывать противодействие в военной сфере. Современная война направлена на усиление экономических возможностей страны-агрессора, при минимальном ущербе экономике и инфраструктуре противника, которые сразу после окончания военной фазы должны начать работать на потенциал победителя.

Современное общественное мнение не воспринимает методы тотальной войны. Массированное применение военной силы, жертвы среди мирного населения, толпы людей, оставшихся без крова и средств к существованию, — такие последствия теперь считаются антигуманными и предполагают оказание пострадавшим всесторонней (в том числе и материальной) помощи, естественно за счёт тех же налогоплательщиков. Это существенно увеличивает издержки на всю военную кампанию.

Поэтому в США была разработана концепция бесконтактной войны, основанная на абсолютном превосходстве в воздушно-космическом пространстве и возможностях глобального ведения разведки на территории противника. Нанесение точечных ударов по войскам, объектам военной и гражданской инфраструктуры, без возможности противника нанести ответный удар, негативно сказывается на моральном духе населения, подрывает веру в руководство и в конечном итоге приносит ожидаемый результат. И никаких толп беженцев, никаких жертв среди мирного населения, а экономика вчерашнего противника готова в сжатые сроки заработать заново под кредиты Вашингтона и их союзников.

По мере развития информационных технологий появились концепции информационных и экономических войн. Как правило, они проводятся в виде самостоятельных действий, с применением всех ресурсов государства, и при успешной реализации поставленных задач позволяют достичь нужного результата без привлечения армии или свести её участие к минимуму.

Например, сейчас тяжело сказать, дойдёт ли ситуация в Сирии до открытой интервенции со стороны США и их союзников. Но в информационной войне Дамаск уже потерпел оглушительное поражение. И дело не в направленности вещания CNN и большинства других зарубежных информационных каналов. Это малая часть арсенала информационной войны. Но этому предшествовали: подготовка пятой колонны среди руководства Сирии, в том числе и военного; задействование внутренних противоречий для формирования оппозиции и обеспечения массовости и продолжительности антиправительственных выступлений; обработка международного общественного мнения в необходимости военного вмешательства во внутренний сирийский конфликт и т. п. Очевидно, что сценарий по развалу Сирии готовился не один день и его реализация началась как минимум за 1,5–2 года до первых выступлений так называемых оппозиционеров.

Экономическая война построена на обеспечении и поддержке технологического превосходства над потенциальным противником, ограничении его доступа к стратегическим технологиям, источникам сырья, создании различных торговых, таможенных, финансовых и других ограничений. Перед Первой мировой войной список стратегически важных материалов, необходимых для ведения войны, насчитывал более 40 позиций. Кстати, нефть в первую десятку не входила. Во время Второй мировой войны количество таких материалов уже превышало 90, и СССР, несмотря на размеры своей территории и наличие в своих недрах почти всей таблицы Менделеева, не обладал всем необходимым. По оценкам экспертов, к середине 80-х годов речь шла о почти 300 стратегических материалах и элементах, необходимых для разработки и создания современных образцов вооружения.

Фактически война против Сирии уже давно начата. И руководство Сирийской Арабской Республики уже имело возможность ощутить на собственном опыте, что гораздо проще отражать налёты авиации противника или готовить страну к отражению внешней агрессии, нежели сдерживать натиск противника в «небоевых» сферах. Ущерб от этих действий ничуть не меньше, чем от прямого военного вмешательства.

И самое главное — нужно учиться на чужих ошибках. Любая страна, ограничивающаяся подготовкой к классической войне, т. е. войне вчерашнего дня, уже по определению её проиграла. В любой войне, в самом широком смысле этого определения, как правило, побеждают инновации. Америка и её союзники сделали ставку на технологическое и качественное превосходство своих армий, позволяющее им органично вписываться в общий контекст глобальных войн. Кто в этих действиях выступает в качестве основных действующих лиц? Авиация, спецназ, морская пехота. Вы не задумывались над тем, почему самые активные действия планируются на тёмное время суток? Кстати, по этой схеме планировалась операция и грузинской армии против Южной Осетии в 2008 году (интересно, а кто всё-таки её планировал? Судя по исполнению, явно не грузинский генеральный штаб). Да потому, что количество приборов ночного видения и ночных прицелов в американской армии в десятки раз больше, чем в любой другой. Это простейший пример опасности технологического отставания в области вооружений.

Я не зря ранее сделал акцент на общем описании концепции бесконтактных войн. Этот тоже своего рода инновация. Но кто еще сегодня в мире способен так же успешно реализовать подобный алгоритм действий? К сожалению, это касается и нас, так как кампания августа 2008 года наглядно продемонстрировала, к какой войне готовится наша армия. Надеюсь, опыт последних лет тщательно проанализирован и соответствующие выводы сделаны. Нельзя забывать, что в современной войне залпы орудий скорее напоминают не начало боевых действий, а отдавание последних воинских почестей на похоронах побеждённых...

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ НЕФТЬ И МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

После Второй мировой войны, которую окрестили «войной моторов», значение нефти ощутимо возросло. Мало того, с середины XX века нефть стала основой современной экономики. Доля нефти в общем потреблении энергоресурсов в 1939 году составляла чуть более 17%. В 1950 году этот показатель уже равнялся 24%, в 1972 году — 41%, в 2000 году он составлял более 65%.

Бурный послевоенный рост экономики в США и Европы был предопределён не только полученными контрибуциями и перераспределением сфер экономического влияния в пользу победителей, но и во многом фиксированной ценой за баррель нефти.

В 1950 году баррель сырой нефти в среднем стоил \$ 2,49. В 1960 году за него платили \$ 2,91, а в 1970 еще только \$ 3,18.

Бурный послевоенный рост экономики США и их союзников, по своей сути, базировался на бессовестном обкрадывании стран третьего мира посредством поддержания низкой цены на нефть.

О влиянии колебаний цены на нефть на экономику в США знают не понаслышке. В 1973 году Вашингтон поддержал Израиль, атакованный войсками Сирии и Египта. В ответ арабские страны полностью запретили экспорт нефти в страны, которые поддерживали Израиль. В США цены на бензин выросли в 4 раза! Это уже не только экономика, а прямая угроза внутривнутриполитической стабильности и основам государственного строя.

В 1979 году снова политические события, произошедшие на Ближнем Востоке, привели к резкому росту цен на нефть с 13 до 34 долларов США за баррель. Речь идёт о мировых ценах на нефть. Согласитесь, уж очень дорого обходится всей мировой экономике любая нестабильность в этом регионе.

Характерная особенность — последние 8–10 лет в прессе больше обсуждаются не столько цены на нефть, сколько борьба ведущих мировых стран за получение требуемых объёмов этого стратегически важного сырья.

Такие уроки не забываются. В последующем, при малейшей угрозе экономической безопасности страны, Вашингтон «включал» все возможные рычаги. И американской армии в этих событиях зачастую отводилась ключевая роль.

Перед первой американо-иракской войной (1993 год) средняя цена за баррель нефти колебалась на уровне \$20–23. По мнению ведущих экономических экспертов того времени, политическое руководство США, во избежание серьёзного экономического кризиса, должно было найти способы обеспечения снижения цены за баррель нефти до \$8–9. То есть в то время речь шла не об освобождении Кувейта. На практике реализовывалась концепция защиты национальных интересов США. Коалиционные силы, решения ООН — все это было не более чем декорациями для решения главной задачи — обеспечения контроля за нефтяными месторождениями Аравийского полуострова и создания благоприятных условий для собственной экономики. Однако война привела к обратному результату. После короткого спада цен на нефть они начали опять расти.

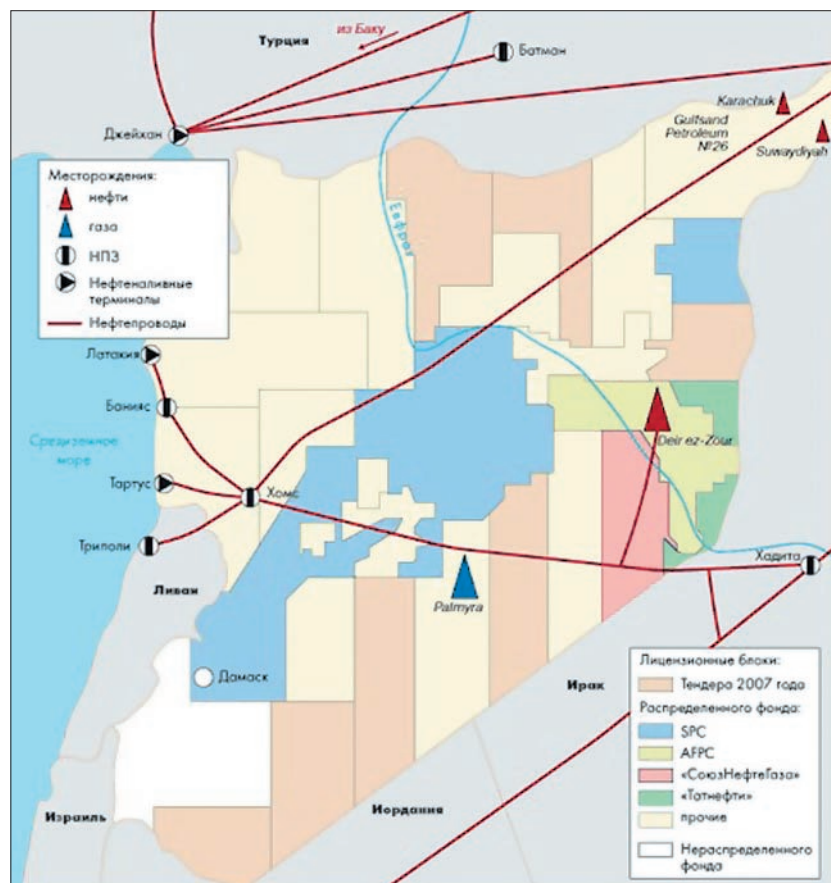
Вторая иракская война, казалось бы, позволила США получить непосредственный доступ к богатым месторождениям этой страны. Но никакого обвала цен на нефть не произошло. Основной маршрут транспортировки ближневосточной нефти проходит через Ормузский пролив, частично контролируемый, как известно, Ираном (на долю пролива приходится около 40% глобального экспорта нефти по морю).

Альтернативные варианты транспортировки нефти потребителям — наземные трубопроводы к портам Средиземного моря — проходят по территории Сирии.

Эти трубопроводы хорошо видны на карте, на которой, кстати, указан и интерес российских нефтяных компаний в Сирийской Арабской Республике.

Обратите внимание: из Ирака через территорию Сирии идут два трубопровода, сходящиеся в теперь уже известном всему миру Хомсе, а затем они расходятся в три сирийских порта: Тартус, Бонияс и Латакия.

Лицензионные блоки Сирии

Принимая во внимание зависимость американской и европейской экономик от ближневосточной нефти, очевидно, что военная кампания против Ирана невозможна до тех пор, пока не будет обеспечена бесперебойная транспортировка ближневосточной нефти на случай начала боевых действий в Персидском заливе.

Настало время вернуться к отправной точке. С учётом всего выше сказанного, вполне можно утверждать, что гражданская война в Сирии инспирирована внешними силами для обеспечения контроля над транзитом нефти из Персидского залива по наземным магистралям к средиземноморским портам, минуя контролируемый Ираном Ормузский пролив. Т. е. за беспорядками в Сирии стоят те, кто готовит войну против Ирана.

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВЯЗЫВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С точки зрения социально-экономической ситуации, Сирия до недавнего времени оставалась одним из наиболее стабильных государств Ближнего Востока: светская модель власти, мирное сосуществование различных ветвей ислама и христианства, довольно развитая экономика, с большой долей частного капитала, высокая социальная защищённость населения (формальная плата за коммунальные услуги, бесплатная, но при этом очень хорошо организованная современная медицинская помощь, обязательное бесплатное образование, высокие пенсии). В принципе, «режим» Асада сумел сохранить всё то, чем в своё время так гордился Советский Союз.

Ситуация изменилась в худшую сторону после обеих американо-иракских войн, в результате которых значительная часть иракцев нашла временное прибежище в Сирии. Больше всего иракских беженцев осело в Хомсе и Латакии. Несмотря на их длительное пребывание в Сирии, большинство из них так и не смогли получить сирийское гражданство и не были уравнены с ними в правах на социальные льготы. Последующие события показали, что эти болевые

точки были достаточно грамотно определены авторами гражданской войны в Сирии.

Внутрирелигиозные отношения в Сирии всегда были очень непростым вопросом. В конце 1970-х — начале 1980-х радикальными суннитскими группировками даже предпринимались попытки организовать исламский бунт, формально против правящей партии БААС. Кстати, во главе этого движения стояла небезызвестная сегодня группировка «Братья-мусульмане».

Таким образом, к 2010 году в Сирии сформировались условия для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации. При определённых финансовых и организационных усилиях их могло хватить для разжигания «костра гражданской войны». К сожалению, хватило. Но и здесь у авторов этой войны всё идёт с большим трудом. Те же иракские беженцы и граждане Сирии, ранее симпатизировавшие боевикам, явно устали от крови и хаоса, который захлестнул их дома. Одно дело содействовать давлению на официальные власти и покрывать экстремистов, но совсем другое дело, когда твой дом превращается в поле боя и гибнут родные и близкие люди. При этом основная масса населения САР, судя по всему, всё-таки согласна на то, чтобы Башар Асад остался на посту главы государства.

Кто же сегодня воюет в Сирии? Ответ очевиден — сирийской армии противостоит профессиональная армия международных наёмников, вероятно до этого отметившихся в Ливии и Египте, а может быть, ещё и в Афганистане, и на Северном Кавказе. То, что за их действиями стоят США и их союзники, почти ни у кого не вызывает сомнения. Оно и понятно, пусть лучше войны Аллаха воюют друг против друга, чем вернуться к войне с американской моделью устройства мира, да и ещё, не дай Бог, на её же территории. Что с ними будет потом? Кого выберут следующей целью для них? Вероятно, архитекторы нового порядка в исламском мире хотя бы примерно это представляют. Хотя работает ли логика на Востоке?

Говоря о предпосылках войны в Сирии, нельзя не упомянуть о внешних факторах, сыгравших в происходящих событиях не менее важную роль.

Новейшая история Сирии неразрывно связана с Францией. Именно благодаря настойчивости Шарля де Голля в 1941 году «вишисты» были выброшены из Сирии и Ливана, что позволило обеспечить безопасность транспортировки нефти из этого региона для союзных войск. Даже после объявления независимости Сирии Франция продолжала играть большую роль в становлении сирийской государственности. Естественно, и французский бизнес всегда в Сирии чувствовал себя как дома. Но в середине 90-х произошли серьёзные изменения. В этот регион пришёл Китай. Французские товары исчезли с полок магазинов. Дамаск и другие сирийские города наводнили дешёвые во всех отношениях товары с клеймом «Made in China». В результате этих событий Франция, играющая не последнюю роль в Евросоюзе, перестала быть заинтересованной в сохранении существующего в Сирии положения.

Но самым заклятым врагом Сирии на Ближнем Востоке был и остаётся Израиль. И речь идёт не только о восстановлении контроля над Голанскими высотами и перманентном военном противостоянии в Ливане. Уровень взаимной ненависти настолько велик, что любые апелляции к логике невозможны. Несомненно, Израиль понимает, что Сирия на сегодняшний день является единственным государством Ближнего Востока, представляющим военную угрозу для его безопасности. Судя по риторике официального Тель-Авива, там очень внимательно отслеживают ситуацию и готовы в любой момент предпринять все необходимые меры для защиты своих интересов. Надо полагать, что официальная позиция дополняется некоторыми практическими действиями на местности. По крайней мере, начало беспорядкам в Сирии было положено уж очень близко от границы с Израилем. Не думаю, что кто-то может просчитать развитие ситуации вокруг израильского государства после теоритически возможной потери САР своей государственности. Скорее всего, ситуация станет просто непрогнозируемой и Израиль в числе первых испытает её последствия на себе. Если только вся игра не начата ради нанесения удара по главной цели — по Ирану. Если все затеяно ради переформатирования Ирана, то становится понятна

готовность израильтян сыграть в «арабскую рулетку» и подыгрывать исламским радикалам в Сирии.

Говоря о развитии ситуации на Ближнем Востоке, нельзя не затронуть российские интересы в этом регионе. Россия, по своей сути, до сих пор остаётся Евразийской империей, поэтому всё, что происходит в непосредственной близости от её границ, неизменно проецируется и на внутривнутриполитические процессы в самой России. Однако позиция Москвы в событиях последних двух лет, происходящих в Северной Африке и на Ближнем Востоке, сильно напоминает толстовское «непротивление». Лучше всего этот сюжет изображён на картине Ильи Глазунова «Вечная Россия». Вот так и стоим с табличкой на груди, зажмурив глаза. От нашего бездействия наше же положение никогда не улучшится. Нельзя забывать, что родина Ислама — Ближний Восток, а Россия — страна не просто многоконфессиональная: процент мусульман в нашей стране составляет не менее 5 процентов населения. Но самое главное, что это, прежде всего, весь Северный Кавказ, через который уже дважды предпринимались попытки дестабилизировать ситуацию во всей Российской Федерации. Поэтому для нас жизненно важно поддерживать на уровне свой авторитет среди арабского мира, оказывающего огромное влияние на всю мусульманскую общину России. Фактически в Ливии и Египте российская сторона предпочла постоять в стороне, пока уничтожали наших бывших союзников. Понятно, что политика по своей сути очень грязное дело. Но в данном случае нельзя забывать об особенностях восприятия этих процессов в исламском мире и особенностях функционирования человеческой памяти. Такая позиция России подрывает её авторитет во всем исламском мире. Тем более, что в Ливии и Египте вся демагогия про права человека и поддержку демократических преобразований были не более чем ширмой для прикрытия истинных целей этих проектов. Разгромом Ливии позволил оттеснить Китай от богатых ливийских месторождений и вынудил Россию постфактум «простить» многомиллиардные долги Каддафи. Смена курса в Египте на какое-то время обезопасила Израиль и позволила сохранить контроль за Суэцким каналом.

ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ СИРИИ: ВООРУЖЕНИЕ, СОСТАВ, БОЕВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Степень советского участия в создании и подготовке сирийской армии лучше всего видна в данных о её вооружении. Вооружённые силы на 99 процентов Сирии вооружены советским оружием, вероятно, и обучены по советским уставам и методикам.

К сожалению, доля современных образцов вооружения очень мала. В основном это то вооружение, которое было поставлено в Сирию в период с середины 1960-х годов до середины 1980-х годов. Оно давно устарело морально и, скорее всего, давно выработало свой ресурс. По данным открытых источников, с середины 1990-х военнотехническое сотрудничество между Сирией и Россией было практически заморожено. А ведь в Сирии остались тысячи единиц ВВТ, которые нужно было поддерживать в исправном состоянии, модернизировать, продлевать ресурсы, обучать специалистов и т. п. В 1990-х на оружейный рынок Сирии пришли Китай и Украина. Это огромный рынок услуг, с многомиллиардным оборотом, который мы оставили без боя.

Что можно говорить об армии, которая до сих пор содержит на вооружении танки Т-55, самолеты МиГ-21, МиГ-23, Су-17, 22, системы ПВО С-75 и С-125? Какой процент исправности этих образцов вооружения удастся поддерживать сирийским специалистам?

Это вооружение, возможно, может показать определённую боевую эффективность за счёт проведённой модернизации и высокой выучки личного состава, но в целом абсолютно не соответствует требованиям современной войны.

Советские и российские военные специалисты, в разное время имевшие отношение к подготовке сирийской армии, единогласно отмечают усердное отношение сирийцев к организации и проведению мероприятий боевой подготовки, высокую воинскую дисциплину. По имеющимся данным, авторитет действующего президента в войсках всё ещё высок.

Что же из себя представляют ВС Сирии и к решению каких задач они готовились? Организационно Вооружённые силы Сирии состоят из трёх

корпусов и почти десяти отдельных бригад центрального подчинения. Больше всего танковых и механизированных дивизий сосредоточено в 1 и 2 АК ВС Сирии, дислоцированных на израильском направлении. Таким образом, в соответствии с канонами советской военной науки, 3 АК может быть задействован или во втором эшелоне наступающей группировки, или для прикрытия второстепенных направлений. Учёт в расчётах отдельных соединений и частей, имеющих в составе ВС Сирии, качественно на возможности сирийской армии не влияет.

По своим боевым возможностям сирийская армия в состоянии вести эффективные наступательные действия на одном операционном направлении. При развёртывании боевых действий на двух и более операционных направлениях ВС Сирии в состоянии вести сдерживающие действия на своей территории в течение достаточно длительного промежутка времени. Эти возможности определяются наличием в сухопутных войсках большого количества бронетанковой техники и тяжёлого вооружения, а также большими мобилизационными возможностями государства.

ВВС — одно из самых слабых мест сирийской армии. Их численный и качественный состав недостаточен для эффективной поддержки действий сухопутных войск и обеспечения их надёжного прикрытия от возможных ударов авиации противника с воздуха. В боевых действиях 1982 года сирийские ВВС показали себя гораздо лучше, чем в кампании 1973 года. Однако даже тогда, находясь на пике своей готовности, они уступили небо израильским ВВС, чем предопределили результат действий сухопутных войск. С тех пор самолётный парк сирийских ВВС значительно устарел. В связи с существенным сокращением программы военно-технического сотрудничества с ВПК России, сирийские ВВС лишились возможности модернизации ранее приобретённой авиационной техники. Количество новых (современных) летательных аппаратов составляет не более 15 процентов от общего числа стоящих на вооружении самолётов.

В то же время наличие большого количества средств ПВО (даже с учётом их моральной отсталости) может существенно затруднить проведение воздушно-наступательной операции в отношении самой Сирии.

БОЕВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВС СИРИИ

Таким образом, сирийская армия ограниченно боеспособна для отражения внешней агрессии. Состояние ВВС Сирии исключает возможность проведения её вооружёнными силами успешных наступательных операций.

Неспособность ВС Сирии быстро и без потерь среди мирного населения разгромить террористические организации, действующие на её территории, вызвана особенностями боевой подготовки, вооружения и организационно-штатной структуры сирийской армии. Боевая подготовка сухопутных войск была нацелена на ведение боевых действий против регулярной армии противника, предположительно против Израиля.

Судя по поступающим сводкам о боевых столкновениях в Сирии, можно сделать вывод, что пробелы в тактике и подготовке сирийских войск, при ведении ими боевых действий в населенных пунктах, в условиях, когда боевики используют мирное население в качестве живого щита, практически устранены. Армия всё более успешно и эффективно действует против террористических групп, и удары по ним всё более и более ощутимы.

При прекращении широкомасштабной финансовой, военной и людской «накачки» гражданской войны в Сирии извне последние очаги нестабильности могут быть ликвидированы в течение 2–3 недель.

В случае начала вооружённой агрессии коалиционных сил во главе с ударной группировкой ВМФ США система ПВО Сирии и её ВВС будут выведены из строя в течение первых 10–14 суток. Возможности космической разведки, качественное превосходство армии США в морской и воздушной компонентах, а также наличие большого арсенала высокоточного оружия позволяют предположить, что в дальнейшем наиболее вероятен ливийский вариант развития событий. После уничтожения авиацией и подразделениями спецназначения коалиции войск, верных правительству Сирии, и объектов военной инфраструктуры, отряды повстанцев будут мобилизованы для штурма Дамаска.

В основе приведённого анализа возможностей сирийской армии по отражению различных вариантов угроз заложен количественно-качественный состав её вооружений и военной техники. Не менее важным параметром является морально-психологическое состояние личного состава армии. Эффективные методики по расчёту этого показателя готовности личного состава отсутствуют. Но, как показывает опыт большинства военных конфликтов последних 20 лет, этот фактор на войне до сих пор остаётся ключевым. Мотивированность личного состава на выполнение своего воинского долга любой ценой зачастую компенсирует отсутствие современного оружия и своевременного материально-технического обеспечения.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, финальный успех любого сценария военной операции проамериканских сил в отношении Сирии будет целиком зависеть от способности руководства этой страны сохранить контроль над военной организацией, обеспечить высокий моральный дух личного состава и консолидировать большую часть населения страны вокруг идеи прекращения гражданской войны ради сохранения своей государственности. Пока налицо активные меры антисирийской коалиции по подрыву основ государственности Сирии изнутри. К ним можно отнести и покушение на высшее руководство армии, и «спонтанный» переход на сторону оппозиции ряда высокопоставленных генералов и офицеров сирийской армии, и распространение слухов о массовых переходах военнослужащих на сторону боевиков, и т. п. Именно эти действия несут основную угрозу национальной безопасности Сирии. В сложившейся ситуации внутренняя консолидация — самый важный фактор для сохранения стабильности всей системы. Можно и дальше не замечать того, что в отношении страны ведётся тотальная информационная война, и ограничиваться силовым воздействием в отношении тер-

рористических групп, но без адекватного реагирования на вызовы в информационной сфере подобные действия, как правило, только множат число сторонников антиправительственных сил.

Если же кто-то сильно озабочен состоянием демократии и прав человека, то только в Африке можно с лёгкостью насчитать с десяток стран, которые в этом действительно нуждаются. К сожалению, там пока не открыли месторождения нефти. Видимо, заниматься этим на фоне нефтяных вышек куда интереснее.

Сирия, безусловно, имеет всё необходимое для самостоятельного решения сложившегося внутривнутриполитического кризиса. Главное — не мешать.

Для России жизненно важно, чтобы был реализован именно этот сценарий. В противном случае, даже самый оптимистичный прогноз дальнейшего развития ситуации на Ближнем Востоке чреват для России серьёзным осложнением ситуации на Северном Кавказе и в непосредственной близости от её государственных границ.

Станислав Тарасов

БЛИЖНИЙ ВОСТОК ПЕРЕД ЛИЦОМ СУННИТСКО-ШИИТСКОЙ ВОЙНЫ

Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в интервью телеканалу «Скай Ньюс Арабия» призвал «не хоронить заживо женевские договоренности по Сирии». «Я считаю, что заявления, которые мы слышим из Вашингтона, из некоторых других столиц, что женевское коммюнике умерло, достаточно безответственны, потому что это самый важный консенсус, который был достигнут с участием западных государств, России, Китая, Турции и ведущих арабских стран», — указал российский министр.

Проблема в том, что механизм сирийского урегулирования через декларирование в Женеве создания «группы действия» не работает. Напомним, что он предусматривает проведение определенных мер стимулирующего свойства в сторону поиска взаимных договоренностей сил сирийской оппозиции и официального Дамаска. Только на этой основе можно добиться создания так называемого переходного правительства и стабилизации обстановки в Сирии. Более того, женевская «группа действия» поддерживала план спецпредставителя ООН и Лиги арабских государств Кофи Аннана, что легитимирует не только переговорный процесс, но и вероятную модернизацию системы власти в Сирии. Поэтому никто не знает, удастся ли алжирскому дипломату Лахдар Брахими, новому эмиссару ООН, сменившего Кофи Аннана, претворить в жизнь «дорожную карту» сирийского урегулирования

или он окажется всего лишь «прикрытием» в осуществлении более драматического сюжета по формированию «нового Большого Ближнего Востока». Сам Брахими заявил, что не уверен, что сможет добиться прекращения боевых столкновений в Сирии. Кстати, полагаем, что неслучайно и то, что одним из условий для назначения Брахими на эту должность стало ее переименование — вместо «спецпосланник» ООН и Лиги арабских стран (ЛАГ) она будет называться «спецпредставитель». Означает ли это вывод за пределы формулы сирийского урегулирования ЛАГ в качестве одного из дестабилизирующих факторов, покажет время. Пока же ход событий не вызывает оптимизма.

Во время недавнего визита в Стамбул госсекретарь США Хиллари Клинтон по итогам переговоров с министром иностранных дел Турции Ахмедом Давутоглу сделала сенсационное заявление: «США и Турция рассматривают возможность создания «бесполетной зоны» над Сирией». Если конкретные шаги на этом направлении действительно будут предприняты, то они будут находиться вне зоны международного правового поля, поскольку резолюция в Совете Безопасности ООН с такой формулировкой не пройдет.

Напомним, что еще два месяца назад оппозиционный Сирийский национальный совет призывал СБ ООН объявить воздушное пространство Сирии «бесполетной зоной». Однако тогда эту просьбу в ООН отвергли: Россия и Китай использовали в СБ свое право вето. Так что, если США и Турция начнут действовать в обход ООН, это будет способствовать только расширению эскалации в Сирии. И не только. Как пишет в этой связи в турецкой газете Milliyet известный обозреватель Сами Кохен, «руководство Турции в политике на Ближнем Востоке берет на себя некоторые риски, связанные с потенциальным хаосом, этническими и религиозными конфликтами, выходящими далеко за пределы Сирии». В этой связи Кохен призывает правительство «серьезно отнестись к новому курдскому образованию на севере Сирии, полагая, что «арабская весна» может обернуться для Турции невероятными геополитическими рисками в ситуации, когда она «будет не в состоянии контролировать внешние, стимулирующие эти события, факторы».

Проблема не только в курдах. Состоявшийся в Мекке двухдневный саммит Организации Исламского Совета (ОИС) выявил новое соотношение сил в регионе и новое качество в оценке происходящих событий. Первое: Сирию временно исключили из ОИС, что заметно сужает политико-дипломатические возможности многих стран региона оказывать влияние на урегулирование сирийского кризиса. Второе: Саудовская Аравия, которая является одним из главных спонсоров сирийских оппозиционеров, столкнулась с вероятностью открытия против себя так называемого «шиитского фронта». Хотя изначально, как предполагали некоторые американские эксперты, Эр-Риад не исключал вероятности достижения некоторых договоренностей с Тегераном по стабилизации обстановки в зоне Персидского залива. Третье: как сообщил глава МИД Ирана Али Акбар Салехи, Тегеран предложил создать для урегулирования ситуации в Сирии очередную специальную контактную группу, в которую бы вошли представители только нейтральных государств. Ее цель — «найти способ и привлечь противоборствующие стороны сирийского конфликта к диалогу и взаимодействию». В итоге, потенциально наряду с Женевской «группой содействия» по Сирии, куда входят представители государств-членов СБ ООН и некоторые другие страны, включая и Турцию, может появиться еще одна «группа», но действующая за пределами правового поля. В свою очередь это означает, что сторонников и противников Башара Асада «разводят» на суннитский и шиитский блоки, что, как справедливо пишет газета Milliyet, «резко расширяет зону дестабилизации на Ближнем Востоке и создает масштабные геополитические риски».

Один из них — переориентирование хода событий «арабской весны» в сторону межобщинного конфликта, что ранее уже произошло в Ираке, где после прихода американских войск началась шиитско-суннитская гражданская война, и в Сирии, где выступления вооруженной оппозиции против режима Башара Асада часто интерпретируются как борьба суннитского большинства против господства шиитов-алавитов. Вторым фактором эксперты называют обострение шиитско-суннитских противоречий в результате со-

перничество Ирана и Саудовской Аравии. К примеру, где движение шиитского большинства за демократизацию в Бахрейн не интерпретируется консервативными монархиями Персидского залива как «иранский заговор». В этой связи возможно несколько сценариев развития событий.

Первый: расширение суннитско-шиитских противоречий и их перерастание в полномасштабный политический, а затем и военный конфликт. Площадками такого конфликта могут стать нестабильный Ирак, где в 2005–2008 годах фактически уже имела место гражданская война между двумя общинами, а также Бахрейн, Йемен и Ливан.

Второй сценарий: перехват суннитскими движениями политической инициативы в регионе. Победа партии «Братья-мусульмане» на выборах в Египте и протестное движение в Сирии, все более приобретающее религиозную окраску, могут привести к образованию надгосударственного «нового халифата», враждебно настроенного к шиитам. В роли таких сил могут выступать либо консервативные монархии Персидского залива (Саудовская Аравия, Катар), либо Турция.

Третий сценарий называют оптимистическим для шиитов. Он реализуется в случае, если события «арабской весны» перекинутся на страны Аравийского полуострова. Победа шиитов в Бахрейне и в восточной провинции Саудовской Аравии эль-Хаса вкупе с шиитским доминированием в Ираке могут превратить Персидский залив в «шиитское нефтяное озеро».

Между тем Совет Безопасности ООН, несмотря на рекомендацию Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна продлить работу международных наблюдателей и спецпосланника ООН в Сирии, принял решение не продлевать мандат миссии международных наблюдателей в Сирии. Срок его действия закончился 19 августа. После отзыва международных наблюдателей присутствие ООН в Сирии будет ограничено учреждением в Дамаске координационного бюро. Вот почему призыв России вернуться к Женевскому пакету предложений по сирийскому урегулированию прозвучал своевременно. Иной ход событий, как считает глава МИД России Сергей Лавров, — «это путь к большой катастрофе».

Станислав Тарасов

БУМЕРАНГ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» — ОТ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ ДО ЗАКАВКАЗЬЯ

Страны Ближнего Востока переживают период сложнейшей трансформации, которая характеризуется коренными преобразованиями геополитического пространства региона. Это означает, что в этом регионе мира с заметным хронологическим лагом завершается период глобальной конфронтации США — Советский Союз, который обеспечивал если не полный, то, по крайней мере, достаточно жесткий, а главное — эффективный контроль за развитием ситуации. Возможности идеологического, военно-политического и прочего присутствия на Ближнем Востоке каждой из двух «сверхдержав» биполярного мира, военная и экономическая помощь, оказываемая ими странам региона, позволяли обеспечивать — до известного предела — военно-политическую и социально-экономическую стабильность существующих правящих режимов. Концентрация интересов на Ближнем Востоке объяснялась важным стратегическим положением этого региона как центра в сфере коммуникаций, местонахождения на стыке Африки, Европы и Азии, а также желанием контролировать зону проливов Босфор, Гибралтарский, Ормузский, Аденский залив, Суэцкий канал, а также бассейн между Средиземным, Черным и Красным морями и Персидским заливом.

Поэтому наиболее прозорливые эксперты еще в начале 90-х годов прошлого века понимали, что геополитические изменения на южных рубежах бывшего СССР (как и наоборот) не только значительно усложняют этнополитическую ситуацию в регионе Кавказа и Центральной Азии (или же на севере Африке и на Ближнем Востоке), но и могут стимулировать сложные процессы как в силу фактора географической близости, так и по причине сходства исторических, языковых, религиозных, культурно-этнических традиций народов, проживающих в разных государствах региона. Поэтому геополитические перемены, связанные с развалом Советского Союза, привели в движение содержание по сути единого «геополитического сосуда»: стали вероятными серьезные изменения, в первую очередь, в связи с существованием разделенных наций на обеих сторонах бывшей советской границы. При этом националисты, пришедшие к власти на смену коммунистам в бывших советских республиках, не пожелали дистанцироваться от своего исторического окружения. Наиболее ярко это проявилось в Каспийском регионе, где сосредоточены значительные запасы нефти и газа. И неудивительно, что постсоветское Закавказье стало регионом, где быстро образовался сложнейший узел проблем, обусловленных не только межнациональными противоречиями, спорами между расположенных здесь республик, но и активной вовлеченностью крупных мировых держав в борьбу за свои геополитические и экономические интересы. Тогда мало кто из политиков придавал значение тому, что возможна взаимная проекция конфликтного потенциала, как из Закавказья на Ближний Восток, так и обратно.

Речь, в первую очередь, идет о Турции, ставшей в начале 90-х годов прошлого века проявлять активные и конкретные действия в Закавказье для достижения своих политических и экономических целей в Каспийском регионе. Она первой вступила в крупную игру. Ставка в этой игре — контроль над нефтяным потоком, направляющимся из Каспийского региона на Запад. Но позже маятник дестабилизации качнулся из Закавказья в сторону Ближнего Востока,

а каспийский вопрос стал уже проблемой не только постсоветского пространства, но и Ближнего Востока.

Хронология дальнейшего хода событий сегодня хорошо известна. После известных событий 11 сентября 2001 года тогдашний министр обороны США Дональд Рамсфельд определил новую военную стратегию Вашингтона, включающую свержение Саддама Хусейна в Ираке, затем свержение режимов в Сирии, Иране и еще четырех других странах Ближнего Востока. Официально план проекта «Большой Ближний Восток» (the Greater Middle East) был выдвинут президентом США Джорджем Бушем-младшим 6 ноября 2003 года в Национальном фонде демократии (National Endowment for Democracy). В соответствии с этим планом оккупация Ирака должна была стать лишь первым этапом борьбы США за «победу демократии» на Ближнем Востоке. Затем последовал Афганистан. В июле 2006 года, после того, как подполковником Ральфом Петерсом, работавшим в Национальной военной академии США, была опубликована карта «нового Ближнего Востока», государственной секретарь США Кондолиза Райс огласила план «перестройки» региона. Заметим в этой связи, что в тот момент многие представители российского академического и аналитического сообщества отнеслись к этому проекту США с большой долей скептицизма. Все стало на свои места тогда, когда так называемая «арабская весна» объявила, что, оказывается, националистические арабские режимы в Северной Африке и на Ближнем Востоке являются диктаторскими, лишены планов и надежды на изменения. Так были инициированы «народные восстания» и социальные потрясения в ряде арабских странах. Но сегодня самыми интригующими сюжетами в этой крупной международной интриге являются два сюжета, точнее два вопроса: кто стал заполнять внутривосточный вакуум в странах, где победила «арабская весна» и как будет дальше формироваться геополитическая ситуация в регионе?

Очевидно следующее: открыты шлюзы для политического ислама. В Тунисе, где подавляющее большинство населения — сунниты, а президентом после относительно мирной смены власти стал уме-

ренный прозападный политик Монсеф Марзуки, тоже являющийся суннитом, реализовалась самая мягкая стратегия прихода к власти исламских сторонников халифата. Сложнее было с Египтом, где опять же суннитское большинство (около 90% граждан страны) на штыках привело к власти «Братьев-мусульман». Их представитель Мухаммед Мурси стал президентом. Согласно данным западной печати, в перспективе планируется разделение Египта на два государства — городской регион в дельте Нила и западную племенную область. Ливия, где все те же сунниты (по разным оценкам — до 97% населения) свергли эпатажного социалиста Муаммара Каддафи, скатывается в состояние постхуссейновского Ирака. Разворачивается кровавая драма и в Сирии. Согласно американскому профессору Майклу Дэви, на побережье Сирии образуется небольшое государство алавитов, на севере — государство курдов, на юге — государство друзов, а в центре страны будет суннитское государство. Голанские высоты отойдут Израилю. Кроме того, на территории нынешней Иордании будет создано Палестинское государство в обмен на отказ от претензий на Восточный Иерусалим. Что касается Ливана, то он будет разделен на два государства — шиитов и маронитов. Более того, планируется раздел Саудовской Аравии и Ирака, включение Кувейта и Катара в Объединенные Арабские Эмираты для формирования нового либерального арабского государства. Наконец, область Леванта в Восточном Средиземноморье будет объявлена денациональной зоной. Как видим, осуществляется проект коренного преобразования геополитического пространства региона, сопровождаемого политикой «организованного хаоса».

В особом положении оказывается Турция. Ее собственная игра заключается в том, чтобы освободиться от Сирии в качестве геополитического соперника в регионе. С одной стороны, она открывает свои границы, формируя на своей территории повстанческую армию, которая с оружием в руках воюет против Дамаска. Однако в случае с появлением государственного образования в лице Западного Курдистана (а этим термином курды исторически называют территорию, которая находится как в пределах Сирии, так и Турции)

Анкара получает вместо одного опасного для нее курдского региона в Северном Ираке сразу два. При этом опыт Ливии и происходящие там сегодня события ярко свидетельствуют: если после «освободительной» войны на территории державы возникают «независимые территории», вернуть их под контроль очень непросто, да и невозможно. Но проблема не только в этом.

В свое время турецкий министр иностранных дел Ахмета Давутоглу выдвинул доктрину о стратегической глубине, очертив круг «национальных интересов» вокруг современного турецкого государства радиусом три тысячи километров. Однако, ведя арьергардные геополитические бои уже вблизи своих национальных границ, Турция может затянуть в «воронку» пертурбаций и своего закавказского союзника — Азербайджан. Поэтому в складывающихся условиях для России приобретает особую важность выработка геополитической стратегии обеспечения национальной безопасности, построенной на новых подходах концептуального обеспечения. Речь идет, прежде всего, о четком определении в Закавказье географических и политических границ «зоны безопасности». В этой связи обозначим три возможных сценария дальнейшего развития событий.

Первый: ситуация на Ближнем Востоке — в целом, и в Турции — в частности, грозит одновременно нарушением внешне вроде бы упорядоченному балансу отношений по линии Анкара-Баку. Поэтому не исключено, что Баку пойдет на смену своих векторов внешней политики в сторону Москвы и заявит о вступлении в Евразийский экономический союз. С целью противодействовать этой политике протурецкие политические группы в Азербайджане станут атаковать промосковскую оппозицию, что приведет к дестабилизации обстановки в республике. Этим фактором могут воспользоваться исламские радикальные силы с целью захвата власти, как это уже произошло в некоторых некогда светских арабских странах. Второй сценарий предполагает сход с политической сцены в Турции тандема Гюль — Эрдоган и возвращение к власти военных. При таком развитии событий, Турция, чтобы не быть втянутой в гражданскую войну и «ливанизацию», будет искать союза с Москвой, «сдаст» ей

бывших бакинских союзников. Кстати, такое уже бывало в апреле 1920 года, когда к власти в Азербайджане при помощи кемалистов пришли большевики. Третий сценарий относится к территориальному разделу Турции и выхода на сцену большой политики наряду с курдским и армянского вопроса. При этом, как происходило в Ливии и Египте, новое турецкое правительство, озабоченное внутриполитическими спорами в борьбе за власть, может оказаться неспособным принять меры, которые предотвратят раздел страны. Тогда необходимо быть готовыми к ближневосточному Версалю, который юридически закрепит не только статус, но границы новейших государств на Ближнем Востоке и в Закавказье.

Не случайно сегодня многие эксперты проводят близкую параллель «Большого Ближнего Востока» с Балканами и Центральной и Восточной Европой в период перед Первой мировой войной. После нее границы государств на Балканах и в Центральной и Восточной Европе оказались изменены. Затем регион пережил эпоху нестабильности, насилия и конфликтов непосредственно до и после Первой мировой войны, явившейся прямым следствием противоборства экономических интересов и вмешательства иностранных держав. Так что все может повториться.

Станислав Тарасов

АНШЛЮС ДЛЯ ДВУХ АЗЕРБАЙДЖАНОВ

В Баку приступил к исполнению обязанностей новый посол США Ричард Морнингстар. Его предшественник на этом посту Мэтью Брайза, получивший известность как сценарист Мадридских принципов по карабахскому урегулированию, так и не был утвержден конгрессом. Формальным поводом для этого стали сообщения о том, что он «активно налаживал личные связи с членами азербайджанского правительства», что создавало впечатление, «будто шел у него на поводу». Именно такие обвинения были предъявлены Брайзе со стороны членов Комитета по внешним связям Сената США — сенаторов Барбары Боксер и Роберта Менендеса, ориентирующихся, как утверждает американская печать, на мощное армянское лобби.

Однако, на наш взгляд, проблема была в другом. Бывший сопредседатель Минской группы ОБСЕ по карабахскому урегулированию обуславливал возможность карабахского урегулирования через участие Азербайджана в западных проектах трубопроводов. Объективности ради отметим, что тандем Алиев — Брайза действовал небезуспешно: временами казалось, что он находится буквально в нескольких шагах от достижения поставленной цели в решении карабахской проблемы по своему сценарию. Поэтому по Брайзе и был нанесен политический удар.

Что же касается Морнингстара, то его не стали блокировать в Комитете по внешним связям Сената США. Правда, азербайджан-

ский политолог, глава Центра политических инноваций и технологий (ЦПИТ) Мубариз Ахмедоглу быстро объявил о том, что данный факт якобы «говорит о полном поражении армянского лобби в США», которое будто бы «всеми способами старалось сделать так, чтобы место посла США в Азербайджане долгое время оставалось пустым». Все наоборот. Армянское лобби в США даже спешило с назначением Морнингстара послом в Баку, поскольку он, будучи «архитектором» каспийской политики, не выставляет урегулирование карабахской проблемы в качестве своей приоритетной задачи в сложившемся геополитическом формате в Закавказье. В этом его принципиальное отличие от Брайзы. По оценке многих экспертов, главный интерес Морнингстара ориентирован сейчас больше на Иран, что и стало причиной того, что проармянские сенаторы отступили.

Но тут не обошлось без острой интриги. Накануне прибытия Морнингстара в Баку государственный департамент США подтвердил факт получения письма от конгрессмена Дана Рорбахера на имя госсекретаря Хиллари Клинтон. В этом документе говорилось о необходимости «поддержки борьбы за независимость Южного Азербайджана от Ирана и возможности объединения с Азербайджанской Республикой». Конгрессмен обращает внимание госдепа на то, что «в Иране имеются провинции, населенные преимущественно этническими азербайджанцами — там в два раза больше азербайджанцев, чем в самом Азербайджане, — 16 миллионов». Он также считает, что «Туркманчайский договор 1828 года разделил эту территорию между Россией и Персией», и теперь, когда «Россия более не представляет собой решающий фактор, а Иран отличается от Персии двухвековой давности, наступает момент для решения этой проблемы». Добавим к этому то, что недавно в парламенте Азербайджана «неожиданно» вспыхнула дискуссия, инициированная депутатом Гудратом Гасангулиевым, по поводу переименования страны в «Северную Азербайджанскую республику». Так был сделан официально первый шаг к актуализации и вводу в большую политику проблемы Южного (Иранского) Азербайджана.

Не будем сейчас вдаваться в сложные детали проблемы «разделенного азербайджанского народа». Представим только на минуточку, что проект «Большой Азербайджан» начинает реализовываться. В результате 16 миллионов иранских азербайджанцев не только поглощают северный Азербайджан, но и меняют политическую систему в остающемся пока еще светским Баку. При этом не исключено, что Вашингтон, как показывает практика так называемой «арабской весны», сделает ставку на исламистов, а не на правящий ныне режим Ильхама Алиева. В этой связи любопытно звучат фразы из американской дипломатической депеши, датированной еще 2007 годом и опубликованной на сайте WikiLeaks: «Алиев сказал, что сразу после объявления независимости Азербайджана в 1992 году влияние Ирана в Азербайджане начало быстро расти, что стало результатом преднамеренного экспорта со стороны ИРИ идей теократического национализма. По словам Алиева, в ранних 90-х политика ИРИ была нацелена на увеличение числа иранских мулл в Азербайджане и широко распространялась проиранская пропаганда с более консервативной версией шиитского ислама. Алиев отметил, что тем, кто рожден на Западе, сложно понять, как многое для азербайджанцев значит «быть свободными». При этом Алиев подчеркнул, что нападение США на Иран «станет катастрофой для нас». Во-первых, по словам Алиева, Ахмадинежад (Махмуд Ахмадинежад — президент ИРИ) сказал ему, что «Иран будет атаковать те страны, с территории которых последуют удары». Во-вторых, Алиев отметил, что огромное количество беженцев хлынет в Азербайджан. «Если только 10% этнических азербайджанцев из Ирана пересекут границу, Азербайджану придет конец», — отметил он. Алиев отметил, что иранцы, пусть даже этнические азербайджанцы, принесут с собой иранскую исламскую культуру, что изменит Азербайджан».

Не случайно доцент кафедры политологии Академии Государственного управления при президенте Азербайджана Елена Касумова ввела термин «широкая евразийская дуга нестабильности под знаком пресловутой «арабской весны», которая, по ее словам, уже обозначила в Азербайджане «фактор внутривнутриполитического напряжения». При этом

Касумова, ссылаясь на программную статью госсекретаря Хиллари Клинтон в журнале *New Statesman* «Искусство умной силы» (*The Art of Smart Power*), утверждает, что проявление в регионе этой «умной силы» не обязательно подразумевает немедленные бомбардировки Ирана, а несколько иной сценарий. Если речь идет об осуществлении под эгидой Вашингтона проекта «Большой Азербайджан», то нарастающая напряженность в ирано-азербайджанских отношениях должна толкнуть Баку к «сверке часов» с Москвой, а не с Вашингтоном. Только тогда послу США в Баку наступающая бархатная «азербайджанская осень» может показаться очень скучной.

Олег Иванников

ГРУЗИНСКИЕ ВОЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ АБХАЗИИ И ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Постсоветский период становления независимой Грузии ознаменовался резким ростом внутренней напряжённости между грузинским центром — Тбилиси и регионами Грузии, с компактным проживанием преимущественно негрузинского населения. Подобное развитие ситуации было вполне ожидаемым и логичным, потому что эти территории в своё время оказались в составе ГССР искусственно, благодаря влиятельному прогрузинскому лобби в высшем руководстве компартии ВКП (б), а затем и КПСС.

Пока существовал СССР, вопрос о национальном самоопределении этих регионов не стоял так остро: центру было гораздо удобнее и экономически целесообразнее управлять большими территориальными образованиями, а национальный вопрос в СССР, в идеале, должен был привести к отмене пятого пункта в паспортных данных гражданина (о национальности). Как показали последующие события, не замечать проблему — вовсе не значит содействовать её разрешению. После благословения Михаилом Горбачёвым парада национальных суверенитетов фактически во всех союзных республиках бывшего СССР, особенно сформированных за годы советской власти путём включения в их состав исконно чужих территорий, активизировались националистические силы, стремящиеся любой ценой сохранить

перспективные границы своих государств в рамках Советских Союзных Республик.

В 1989–1991 годах эти события коснулись и Грузии. Как ни странно, но самые райские уголки ГССР — Абхазия, Аджария и Южная Осетия — не поддержали стремление нового руководства Грузии как можно скорее порвать все связи со своим советским прошлым. Наиболее остро это противостояние проявилось в Южной Осетии и Абхазии. Конечно, по прошествии более двадцати лет легко делать выводы и давать советы, но известная фраза Экзюпери «мы в ответе за тех, кого приручили» всё равно невольно приходит на ум. Нельзя было бросать эти немногочисленные народы, изъявившие желание остаться в составе обновлённого СССР, на произвол судьбы, а тем более закрывать глаза на попытки их вооружённого «замирения».

Чтобы понять реакцию абхазов и осетин на перспективу остаться в составе «демократической» Грузии, необходимо понять основные принципы национальной политики, практикуемые в Грузинской Советской Социалистической Республике.

Дело в том, что ещё с советских времён население и Абхазии, и Южной Осетии не понаслышке знает, что значит в Грузии быть не-грузином. Откуда в Абхазии появилось такое количество беженцев? Более 200 тысяч — это очень серьёзная цифра. Почему абхазы посчитали возможным депортировать их в Грузию? Почему в Южной Осетии районы компактного проживания грузинского населения оказались на самых плодородных землях и на важнейших стратегических транспортных коммуникациях?

А между тем в руководстве советской Грузии этими проектами занималась специальная госструктура, которая целенаправленно заселяла Абхазию и Южную Осетию этническими грузинами. Процесс был инициирован в 1931 году, сразу после принятия новой Конституции ГССР. Руководил процессом лично Лаврентий Берия. Грузин из западных районов Грузии не просто переселяли, а размещали в лучших районах и на лучших условиях, естественно, в ущерб коренному населению.

Что стало с исторически осетинскими районами во внутренней Грузии? Из Боржомского ущелья осетин почти всех выдавили. Панкисское ущелье за последние 10–15 лет превращено в оплот международных террористических организаций. В районе Казбеги в осетинских сёлах остались одиночные семьи. Созданы такие условия, что людей искусственно вынуждают покидать свои родные очаги. И чаще всего — грузины эти территории даже не пытаются заселять.

С начала 1990-х грузинское руководство целенаправленно избегало политического решения проблемы территориальной целостности Грузии. Из документов, которые в 1989–1990 гг. принимали Верховные советы Абхазии и Южной Осетии, следовало, что теоретически они могли остаться в составе Грузии, но на правах субъектов Федеративного государства.

Что в ответ предложило грузинское руководство? К сожалению, руководство Грузии тогда, как и сегодня, было готово решать вопросы своей территориальной целостности только с позиций военного шантажа и тотального применения вооружённой силы в отношении мирного населения «мятежных» территорий.

Если бы абхазский и югоосетинский вопросы можно было решить силой, то за 18 лет непрерывного каждодневного вооружённого противостояния они были бы обязательно разрешены посредством вооружённого столкновения.

К сожалению, в Грузии пока нет понимания того, что нельзя сплотить нацию ненавистью к «самопровозглашённым» Республикам и национальным меньшинствам. Именно лозунги «Грузия для грузин, для остальных — смерть или депортация» привели к тому, что и абхазы, и осетины не видят для себя и своих детей будущего в такой Грузии.

Политическое решение — длительный процесс, не соответствующий настроениям значительной части населения Грузии. Но это единственный путь спасения Грузии от окончательного распада на более мелкие национально-территориальные образования, что чревато серьёзной дестабилизацией обстановки во всем Кавказе.

ском регионе, а значит, непосредственно затрагивает национальные интересы России.

В канун четвёртой годовщины вторжения грузинской армии на территорию Южной Осетии, впервые после признания независимости Республики Россией, в югоосетинском и грузинском обществе, в СМИ этих государств присутствовало некое ощущение возможного повторения августовского кризиса. Подобные настроения, вероятно, появились не на ровном месте.

Народу Южной Осетии независимость досталась очень дорогой ценой. Все восемнадцать лет, предшествующие 26 августа 2008 года, были сплошной борьбой за будущее своих детей и выживание южных осетин как нации. Прошедшие через этот ад не склонны верить в случайности, само совместное сосуществование с постсоветской Грузией приучило граждан Южной Осетии к тому, что от южных соседей можно ждать чего угодно. Основной источник слухов — опять Грузия: активность военных грузинских формирований вдоль границы, «утечка» информации от населения, проживающего в приграничной с Южной Осетией зоне, откровенно реваншистские по своей сути выступления и обещания действующего президента Грузии, сделанные им накануне четвёртой годовщины.

Формы вооружённой борьбы, которые были избраны для восстановления грузинской юрисдикции над потерянными территориями, массовое уничтожение мирного населения, предполагают один-единственный вариант дальнейшего развития отношений с Абхазией и Южной Осетией — сначала нужно покаяться в совершённом: в убийстве безоружных женщин, детей и стариков — и только затем за столом переговоров искать возможные пути выстраивания добрососедских отношений. Получается как-то очень странно: сегодня мирных граждан закапывают живьём в землю, закатывают в бочки и бросают в огонь, расстреливают из крупнокалиберного оружия, а завтра с высоких международных трибун вещают о конституционном праве на восстановление территориальной целостности. Нужно все называть своими именами: очень многие из тех, кто занимал и занимает в Грузии высшие политиче-

ские и военные посты, должны предстать перед Международным судом в Гааге в качестве обвиняемых за совершение преступлений перед человечеством.

С военной точки зрения, вся территория Южной Осетии и Абхазии идеально подходит для ведения длительных партизанских действий. Любая армия, не пользующаяся поддержкой абсолютного большинства населения этих республик, обречена на поражение при развязывании боевых действий на их территории. За счёт достижения внезапности и превосходства в силах возможно достижение локального успеха, но сохранить его почти невозможно.

Шансы Грузии на успех существенно уменьшались ещё и потому, что несправедливый характер боевых действий, развязанных грузинской стороной в отношении Южной Осетии, а затем и Абхазии, а также массовое нарушение её военными формированиями общепринятых гуманитарных норм привели к массовой поддержке народно-освободительного движения в этих Республиках народами всего Северного Кавказа. В такой войне «на истощение» грузинская сторона не имела никаких шансов на успех.

События 2008 года показали, что Российская армия, при всей мощи группировки Южного военного округа, могла быть легко остановлена теми же осетинами. Но эту силу ждали, в неё верили, с ней были связаны надежды на выживание. Поэтому российские колонны беспрепятственно дошли до Цхинвала и разбили грузинские войска.

После 26 августа 2008 года ситуация изменилась кардинально. Россия выступила гарантом военной безопасности Абхазии и Южной Осетии. Любые попытки вооружённых действий в отношении этих государств означают объявление войны России.

Российский воинский контингент, размещённый в Абхазии и Южной Осетии, несёт повседневную службу и поддерживает свою боевую выучку вдали от границ этих республик с Грузией. Военные базы — это прежде всего символ того, что Россия готова выполнить в полном объёме все взятые на себя обязательства. В угрожаемый период российские войска, естественно, рассредоточатся и займут

позиции согласно плану боевого применения. Время и порядок реализации плана — компетенция профессиональных военных.

В то же время, например, в Южной Осетии многие населённые пункты находятся в непосредственной близости от госграницы с Грузией. Зачастую грузинские и осетинские дома разделяют сотни или даже десятки метров. И жители этих сёл должны чувствовать себя в безопасности.

Особенности местности Абхазии и Южной Осетии не позволяют организовать эффективное ведение боевых действий на этих направлениях без опоры на местное население. Никакие иностранные подразделения, даже специального назначения, не смогут их полностью заменить. В то же время обе Республики имеют явный дефицит в рабочей силе, и чрезмерное отвлечение трудоспособного населения для воинской службы несёт угрозу экономической безопасности. Налицо необходимость разработки особой модели военной организации этих Республик.

Немаловажное значение имеет и особенность менталитета кавказских народов. Их культура и традиции основаны на том, что защита Родины и своего дома это — священная и первейшая обязанность для любого горца. Тотальная ликвидация национальных воинских формирований и замещение их российскими частями и подразделениями может быть неправильно воспринята. Мы находимся в гостях и должны ориентироваться на оказание той помощи, которую от нас ждут.

И осетины, и абхазы должны иметь возможность с оружием в руках защищать свои дома и свою землю. Никто лучше их не знает местность и не мотивирован так, как они, на защиту своей Родины. Значение морального фактора на войне ни в коем случае нельзя преуменьшать.

Отчасти это вопрос и к родителям тех российских военнослужащих, по контракту или по призыву несущих службу на территории этих Республик. Осетины и абхазы должны первыми встречать врага, но ни в коем случае не прятаться за спинами наших солдат и офицеров. Неужели 20-летний солдат из Иванова, Ярославля или Москвы

будет лучше сражаться за независимость Абхазии или Южной Осетии, чем осетинские и абхазские мужчины, за плечами которых стоят их семьи, честь фамилии и независимость Родины?

Что касается грузинской стороны, то после поражения в войне 2008 года грузинская армия была увеличена примерно на 7–8 тысяч человек. США и их союзники по НАТО продолжают оказывать военно-техническую помощь ВС Грузии.

Но с точки зрения качественного соотношения сил и средств, в Закавказском регионе это увеличение и прямые поставки современных образцов вооружения принципиально значения не имеют. Этих сил всё равно недостаточно для агрессии в отношении Абхазии или Южной Осетии, с учётом российского военного присутствия, тем более для отражения ответных действий российской армии.

Стремление руководства Грузии содержать в мирное время столь многочисленную и дорогостоящую армию вызывает удивление. Возможно, патриотическая риторика в отношении потерянных территорий всего-навсего ширма в сложной игре за удержание власти внутри самой Грузии, и, судя по всему, армии в ней отводится особая роль.

Виген Акопян

«ЭПИДЕМИЯ РАСПАДА»: ОТ БАЛКАН ДО СРЕДНЕЙ АЗИИ

В послании Федеральному Собранию РФ 25 апреля 2005 года президент России Владимир Путин назвал «крушение» СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века» и «драмой для российского народа». «Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию», — подчеркнул Путин. Это заявление российского лидера, безусловно, является историческим и совершенно точно описывает реальность.

Практическую сторону вопроса обрисовал в 2008 году президент Белоруссии Александр Лукашенко. Комментируя тот же вопрос, он обратил внимание, прежде всего, на разрушение существовавшей системы биполярного мира. «Многие надеялись, что окончание «холодной войны» станет избавлением от больших военных расходов, а высвободившиеся ресурсы будут направлены на решение глобальных задач — продовольственных, энергетических, экологических и других. Но эти ожидания не оправдались. На смену «холодной войне» пришла еще более ожесточенная борьба за энергоресурсы. По сути, начался новый передел мира. В ход идут любые средства, вплоть до оккупации независимых государств», — считает белорусский президент.

«Эпидемия распада» идет по пятам России, вынужденно сбрасывающей с себя как балласт бывшие зоны советского внутри- и внешнеполитического влияния — Восточную Европу, Ближний Восток,

Прибалтику, а теперь и Среднюю Азию, Закавказье. Зона влияния сокращается, словно «шагреновая кожа». Одновременно Москва лишается политического инструментария, который можно было бы использовать в глобальной конкуренции. Теряет доступ страны к региональным экономическим сегментам и нишам, в конечном итоге снижает свой интеграционный потенциал. Вакуум заполняют Запад и Китай, «сшивая» расплывающееся пространство политическими, военными, экономическими и прочими коммуникациями. Тем самым Россия отрезается от обширного пространства — теряет монопольные позиции в энергетике Средней Азии, военно-политическое превосходство на Каспии и в Закавказье, политические рычаги в Восточной Европе.

В зонах остаточного влияния России происходят конфликтные трансформации, наподобие общественно-политического разрыва Украины, кризиса легитимности власти в Белоруссии. Эпидемия у самой границы, а местами уже внутри страны. Существенный рост напряженности ощущается в последние годы на Северном Кавказе и в Поволжье. Здесь подполье обретает особый радикализм, что вполне укладывается в логику общих тенденций в развороченном, как пчелиный улей, исламском мире.

«Эпидемия распада» гонит в Россию сотни тысяч, миллионы людей. Закрыться от этого потока невозможно, поскольку это будет равносильно изоляции — для которой у России, кстати, уже нет сил. Возникает жизненная необходимость в формировании системы эффективного контроля за этими огромными людскими ресурсами, которая позволила бы использовать этот потенциал во благо страны, а не для подрыва самого российского общества изнутри.

«Эпидемия распада» развивается с нарастающей скоростью. За 7 лет, отделяющих нас от процитированного заявления российского президента, многое изменилось и прояснилось. Остался неизменным разве что пропагандистский антироссийский шаблон об «имперских амбициях» Путина, хотя единственная амбиция, очевидно, в том и состоит, чтобы остановить эту «эпидемию». Она приняла совершенно открытый характер и теперь легитимирована. 17 февраля 2008 года сербский край Косово в одностороннем порядке объявил

о своей независимости, которая мгновенно удостоилась признания верхушки однополярного мира. «Эпидемия распада» получила мощнейший импульс независимо от любых заявлений президента России. Хватило полугода, чтобы волна катастрофы докатилась до Закавказья.

ОСЕТИНСКИЙ АРЬЕРГАРД

Четвертую годовщину войны в Южной Осетии августа 2008 года в России встретили дискуссией о том, насколько своевременными были действия высшего руководства страны в те тревожные дни. Был даже запущен в сеть специальный фильм, основанный на свидетельствах высокопоставленных российских военных, прямо утверждающих, что промедление президента России Дмитрия Медведева стоило многих человеческих жертв. Не будем анализировать эти обвинения, как и контраргументы экс-президента, ныне премьер-министра России. Была война, были жертвы. Зачем беречь раны? Надо ли давать какой-то осетинской матери повод для страшной мысли, что ее сын был бы жив, если бы кто-то где-то сделал что-то раньше, чем сделал на самом деле? Все было сделано так, как сделано. Важнее фактические результаты той войны и новая расстановка сил в регионе.

Что касается моральной стороны вопроса, то президент России Владимир Путин дал исчерпывающий комментарий на сей счет: «Вы знаете, решение о применении Вооруженных сил — это очень ответственное решение, потому что это же приказ о начале боевых действий. А там стреляют, гибнут люди. Прежде чем принять такое решение, надо десять раз подумать. Это сложное и ответственное решение».

Сказанное имело не только внутривнутриполитический подтекст, но и определенный внешнеполитический месседж, а именно: действия России были продуманным и ответственным ответом на акт агрессии со стороны режима Саакашвили, который как раз и не отдавал себе отчет в последствиях собственных приказов. Не осознавал или не хотел осознать, что вскоре после такого приказа в 80 ки-

лометрах от его резиденции будут гибнуть люди — дети, старики, женщины и солдаты. И через 5–6 дней трупы грузинских солдат будут развозить в рефрижераторах Coca Cola, а сам Саакашвили будет в панике убегать от российского истребителя.

Не вступить в войну Россия не могла по определению: были убиты ее миротворцы, несущие службу согласно международному мандату. Никакого противоречия в позициях тогдашнего президента страны Медведева и нынешнего — Путина — быть в этой ситуации не могло. Присутствовало лишь то ответственное промедление, о котором говорит Путин, рожденное сомнениями, которые и озвучил Медведев в одном из первых послевоенных интервью: «Я не мог поверить! Он (Саакашвили) что, с ума сошел?!»

В августе 2008 года Саакашвили начал против России провокационную войну — в надежде на блицкриг и с внушенной ему уверенностью, что Москва не рискнет вступить в открытые боевые действия в Закавказье. Сомнениями в силе России, в способности ее руководства адекватно отвечать на угрозы тогда было пронизано все грузинское общество. Постарались подконтрольные власти телеканалы.

Маневры американского военного флота и якобы попытки войти через Босфор в Черное море, «остановленные» Турцией, были лишь декорацией, имитацией желания Запада помочь Саакашвили. Театрализованные гастроли американских марионеток вроде Ющенко, Качиньского и их прибалтийских коллег на центральной площади Тбилиси — это максимум, чем помогли Грузии ее западные «союзники». Грузия была обречена на поражение в тот момент, когда начала войну. Глобальный же торг шел в Москве с участием США, ЕС и Турции. Турецкий премьер-министр Эрдоган в военную годину представлял в Москве «Платформу мира и стабильности на Кавказе», то есть закреплял турецкие права на участие в послевоенной закавказской игре. И она не замедлила продолжиться. Началось беспрецедентное армяно-турецкое примирение. Но сценарий сорвался на Карабахе.

Саакашвили, а с ним и всю Грузию, — подставили. Подставили, чтобы втянуть Россию в войну, в которой Грузия должна была, без-

условно, проиграть, а ее приграничные с Россией конфликты быть законсервированы на ближайшее обозримое будущее. По сути дела, России была навязана война, итогом которой стала фиксация ее же зоны военного влияния в Грузии. После вывода баз РФ из Аджарии и Джавахети, данная зона, в которой остались Абхазия и Южная Осетия, отныне более не затрагивала новые стратегические коммуникации, тянущиеся из Каспия в Турцию.

Можно сказать, что именно с выводом военных баз России из Аджарии и Джавахети начался обратный отсчет — война в Южной Осетии была неизбежной. Она позволила Западу снизить риски в функционировании стратегического коридора между Каспийским и Черноморским регионами, а также добиться расширения влияния на Кавказе. Ибо если Россия сегодня лишена практической возможности влияния на внутреннюю грузинскую ситуацию, в том числе благодаря усилиям американских спецслужб, Грузия на российском Северном Кавказе работает много и усердно. Тбилиси периодически рапортует о нарастающем потоке российских туристов, для чего в одностороннем порядке был отменен визовый режим, поддерживает акции и инициативы типа признания «черкесского геноцида» и пр. Ясно, что новая, «обрубленная», но вышедшая из зоны российского политического влияния, Грузия становится площадкой, позволяющей Западу спокойно вырабатывать различные стратегии для всего постсоветского пространства. Проигравшая войну Грузия очень быстро становится «экспортером реформ», например, в Армению и даже Киргизию, инициатором новых общественно-политических трендов на Северном Кавказе.

Реформируется и грузинская армия. Сегодня братья погибших в Осетии грузинских солдат воюют в Афганистане — Грузия вносит самый значительный вклад из стран — не членов НАТО в оккупационную коалицию. Это особый предмет гордости Саакашвили. Сообщения о гибели грузинских солдат на афганской чужбине лишь увеличивают его чувство гордости.

Именно подавляющим влиянием США на политическую элиту Грузии объясняется торможение российских интеграционных ини-

циатив в Закавказском регионе. Последние после строительства альтернативных энергетических и транспортных коммуникаций — нефтепровод Баку-Джейхан, газопровод Баку-Эрзрум, железная дорога Баку-Карс — год от года все меньше подкреплены внятыми экономическими перспективами. Азербайджан завязан на Турции, Армения — на Грузии. Сама Грузия — разъединительный буфер для России, укрепляемый политически США, экономически — Турцией, энергетически — Азербайджаном. Аналогичным образом обстоят дела в Средней Азии. Выход Китая на нефтегазовый рынок региона значительным образом снизил привлекательность российских интеграционных инициатив.

Москва признала независимость Абхазии и Южной Осетии раз и навсегда. Абхазы и осетины не воюют. Там мир. Но мир очень беспокойный, требующий серьезных послевоенных усилий. Прошло 4 года, а Россия не смогла превратить граничащую с ней мизерную Южную Осетию в цветущий край, надежно охраняемый от внешнего врага. Но при всем при этом пропагандисты говорят о потенциале России интегрировать вокруг себя все Евразийское пространство... Разобраться бы сначала с Южной Осетией! Но здесь мешают не только собственные коррупционеры, особо старательные из которых даже умудрились пробраться прямо туда — в регион будущего распила в качестве новоявленных «осетинских» политиков. Постарались и сами осетины, которые, кажется, еще не до конца осознали и оценили, какой уникальный, совершенно беспрецедентный и невероятный исторический шанс выпал на их долю. А также то, какой ценой он был завоеван.

Спустя четыре года после войны главная задача России — обеспечить ресурсы для стремительного развития Южной Осетии и Абхазии. Это вопрос не только имиджа, но и безопасности страны. Не добившись серьезного прорыва в этом направлении, нельзя серьезно говорить о бесконфликтном интеграционном потенциале России в целом. Но и вечно этот процесс длиться не может. С исторической точки зрения, России в Закавказском регионе дана лишь короткая передышка. Вопрос: использовать Вооруженные силы или

нет и когда именно это сделать — может встать снова в любую минуту. Никаких иллюзий в этом плане быть не должно.

Война августа 2008 года — эпизод исторической борьбы России за влияние на Кавказе, завершившийся победой российской армии, но не предопределивший исхода этой борьбы. Москва должна быть готова к новой региональной эскалации на все 100%, чтобы потом не рассуждать о своевременности собственных действий. А Южная Осетия и Абхазия должны стать передовыми рубежами российской региональной политики, а не арьергардами, страхующими ее отступление.

ТАДЖИКИСТАН И АРМЕНИЯ: БЛОКИРОВАННЫЕ «АНКЛАВЫ ВЛИЯНИЯ»

Важнейшей точкой военно-политического присутствия России в Закавказье продолжает оставаться Армения. По своей стратегической позиции, с точки зрения российских интересов, Армения весьма напоминает Таджикистан. Обе страны расположены на стратегических участках бывшей советской границы, которая здесь еще не полностью размыта в связи с многолетним присутствием российских пограничников. Сегодня в Таджикистане такого присутствия уже нет, а в Армении оно сведено к минимуму.

Таджикский участок границы с Афганистаном успешно осваивают американцы. После вытеснения России здесь реализуются коммуникационные проекты: строятся мосты, протягиваются линии электропередачи. Чем больше мостов с Афганистаном, тем активнее интеграция с ним. «Афганизация» Таджикистана идет полным ходом, против самих таджикских интересов. Режим Эмомали Рахмона, следующий под узбекским и афганским нажимом в фарватере американских интересов, тщетно старается держать внутреннюю ситуацию под контролем. Но одними запретами на ношение бороды и посещение мечетей ситуацию вряд ли уже можно спасти. Наоборот. Дни светского Таджикистана сочтены. Сценарий запуска на арену местных «братьев мусульман» по египетской технологии, безуслов-

но, в вашингтонском рукаве уже приготовлен. Точек разрыва и распада внутри и вокруг Таджикистана сколько угодно — Ходжент, Бадахшан, Фергана, Ош.

И Таджикистан, и Армения оторваны от России и заблокированы соседними странами, — что примечательно: именно государствами так называемого «тюркского пояса» — Узбекистаном и Азербайджаном. Различие лишь в том, что если армянские власти согласились пролонгировать срок дислокации российской военной базы на 49 лет, то президент Таджикистана Эмомали Рахмон пообещал сделать это, но в итоге не сдержал обещания. Не смог. Причина одна — текущие позиции России в Таджикистане слабее, чем в Армении. И вторая — угрозы безопасности Армении гораздо более интенсивны и носят целиком и полностью внешний характер. Именно поэтому, подписывая обновленный договор о российской базе, армянское руководство четко артикулировало свое ответное ожидание — база должна защищать безопасность Армении не только на турецком направлении, но и на азербайджанском, а армянская армия должна снабжаться современным вооружением по доступным ценам.

8 августа 2012 года на встрече с президентом России Владимиром Путиным армянский президент Серж Саргсян заявил: «Мы считаем, что нахождение российской военной базы в Армении исходит из интересов нашей безопасности». На сегодняшний день Армения и Белоруссия остаются последними государствами СНГ, не требующими от России непосредственной оплаты за военное присутствие. Миллиарды долларов за дислокацию Черноморского флота России начала с недавних пор фактически получать Украина. За истекший год финансовый интерес в двусторонних военных отношениях с РФ проявили Азербайджан — по РЛС «Дарьял» в Габале, Киргизия и Таджикистан — по авиабазе в Канте и 201-й базе на таджикской территории.

Эксперты в Таджикистане не устают обвинять Россию в неэффективной внешней политике, результатом которой, по их оценке, является «сдача позиций в Средней Азии». То же самое делают и их армянские коллеги в контексте Закавказья. Один из популярных таджикских экспертов Парвиз Муллоджанов, критически анализируя

политику России в Средней Азии, задается вопросом: «действительно, что заставляет тот же Таджикистан год за годом наращивать свои шаги в сторону США и НАТО, проявляя все большее упорство и явное нежелание связывать себя долгосрочными обязательствами на переговорах с Россией?» Зададим встречный вопрос: а что заставляет Таджикистан вести себя точно так же — вопреки интересам такой близко родственной таджикам страны, как Иран? Только одно — подавляющее стратегическое превосходство США и полное отсутствие возможности для выработки суверенного курса у Рахмона.

В похожие условия сегодня ставится Армения через интенсивное провокационное воздействие на карабахский фактор. Чудовищная по цинизму операция с экстрадицией из Венгрии и дальнейшим освобождением в Азербайджане Рамиля Сафарова, зарубившего спящего армянского офицера топором, — сигнальный выстрел США и НАТО, символизирующий новый этап карабахского урегулирования. Руководство Армении стоит перед сложнейшим выбором — капитулировать политически, продолжая переговоры с бескомпромиссным противником, награждающим за убийство спящего и поэтому беспомощного армянина, — или же проснуться и вступить в войну. Армения пытается отбиться от попыток Запада навязать ей войну, но сумеет ли ее власть удержать под контролем внутреннюю ситуацию?

Внешний фактор всегда имел ключевое воздействие на внутреннюю ситуацию в Армении, а Карабах — цементирует государственный строй страны. Но даже если войны удастся избежать, предстоящие в 2013 году президентские выборы пройдут в условиях крайней напряженности — между угрозой внешнего вторжения и внутренней дестабилизацией. «А сможет ли Россия сегодня и в будущем послужить надежным щитом и поддержкой для своих союзников и сателлитов в регионе?» — задается вопросом таджикский эксперт Муллоджанов и многие его армянские коллеги, с тревогой наблюдающие за ситуацией вокруг Карабаха. Ответ ясен: нет, не сможет. Это

и заставляет Рахмона в буквальном смысле строить мосты в Афганистане и сдавать свои территории Китаю, а Армению — идти на диалог с Турцией, играть в конструктивизм в Карабахе и перенимать грузинский «опыт реформ» едва ли не прямо из рук Саакашвили.

Между тем «эпидемия распада» подкатывает к Ирану, а Сирия и Карабах — последние заслонки на ее пути. Иллюзий нет. Статус-кво в зоне карабахского конфликта будет нарушен, поскольку он противоречит стратегическому курсу Запада, ориентированному не на замораживание даже конфликтного статус-кво, а на активный хаос и дробление. Плацдарм в Тбилиси дает США мощные рычаги воздействия на две другие закавказские столицы — Баку и Ереван. А это верный признак того, что армяне и азербайджанцы будут в конечном итоге столкнуты лбами в новой кровопролитной войне. Убрав «карабахское бревно» и открыв армяно-турецкую границу, Запад получит всю широту регионального маневра, укрепитесь на площадке между Россией и Ираном, одинаково деструктивно воздействуя и на иранский север, населенный этническими азербайджанцами, и на российский Северный Кавказ.

Иран, северная часть которого уже объявлена американцами «Южным Азербайджаном», — одна из основных мишеней наступающей «эпидемии». Тегеран уже втянут в сирийскую войну. Открытие нового фронта дестабилизации на северной границе Ирана, то есть в Карабахе, станет настоящим вызовом для России и страшной трагедией для всех кавказских народов. Но пока Иран готовится принять удар, сирийская война уже выгоняет тысячи беженцев в Закавказье, задает новый импульс и новую динамику курдскому движению, в корне меняет ситуацию вокруг Ирана и Турции.

Сегодня речь идет, ни много ни мало, — об угрозе полноценной межконфессиональной войны регионального масштаба, о которой прямым текстом предупреждал или же которой угрожал вице-президент США Джо Байден во время визита в Турцию в декабре 2011 года. США готовы к этой войне. Готова ли Россия?

Константин Казенин

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ ВНЕШНЕЕ ЭХО

Северный Кавказ на сегодняшний день известен крайне острыми внутренними проблемами. Здесь речь пойдет лишь о тех из них, которые могут оказать или уже оказывают существенное влияние на политическое положение России, то есть, по сути, выходят за пределы региона, хотя и являются результатом его собственного, во многом уникального пути развития.

ФРАГМЕНТИРОВАННОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Само употребление термина «Северный Кавказ» в российском политическом дискурсе имеет сегодня достаточно условный характер: территория, обозначаемая этим термином, не характеризуется сегодня ни единством управления, ни единством внутреннего устройства. Чтобы убедиться в этом, достаточно даже беглого взгляда на шесть «национальных» субъектов, входящих в состав СКФО. В палитре, которую они образуют, есть регион с крайне авторитарным типом правления (Чечня); регион, управляемый на основе сложного консенсуса элитных группировок (Дагестан); регион, лидер которого осуществляет «ручное управление» в постоянном контакте с не-

формальными авторитетными представителями местного населения (Ингушетия). Три других республики СКФО — Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия — используют процедуры управления, более близкие к стандартным для российских регионов, однако и эти республики довольно существенно отличаются друг от друга по политической «повестке дня».

Фрагментированность Северного Кавказа, обособленность его субъектов хорошо видна и при сопоставлении религиозной ситуации в них, прежде всего — ситуации в местном исламе. Здесь можно найти, например, регион, где в мусульманской среде имеются два примерно равных по влиянию течения (салафизм и суфизм в Дагестане); регион, где Духовное управление мусульман, имеющее ограниченное влияние, в союзе с силовиками противостоит экстремистским течениям (Кабардино-Балкария); регион, где под эгидой Духовного управления объединены мусульманские сообщества различного толка (Карачаево-Черкесия). Координационный совет муфтиев Северного Кавказа — структура, созданная в 1998 году, функционирует в основном только как консультативный орган, не вмешивающийся во внутренние дела мусульманских сообществ в республиках. Роль Координационного совета также снизилась после того, как в апреле 2012 года Духовное управление мусульман Чечни покинуло его ряды.

Еще одно проявление крайней раздробленности сегодняшнего Северного Кавказа — отсутствие единого информационного поля. В последние десять лет не появилось ни одного успешного СМИ, которое было бы ориентировано на общекавказскую аудиторию, — при активном росте интернет-ресурсов и газет внутри регионов. По-видимому, «объединительные» СМИ такого рода просто не востребованы. Точно так же не стал объединителем проект туристического кластера на Северном Кавказе, выдвинутый в 2010 году по инициативе полномочного представителя президента РФ в СКФО Александра Хлопонина и поддержанный на высшем федеральном уровне. По состоянию на первую половину 2012 года, было уже совершенно ясно, что в разных северокавказских республиках этот проект имеет разные перспективы. Так, в Карачаево-Черкесии началась его реализация

(курорт Архыз). В Кабардино-Балкарии идет подготовка к строительству новых объектов в Приэльбрусье, включающая не всегда простые консультации с местным населением по земельным вопросам. Что же касается, например, Дагестана, то там осуществимость курортных проектов по-прежнему вызывает очень серьезные сомнения из-за оперативной обстановки в регионе. Слабость связей между большинством северокавказских республик подтверждается и низким миграционным оборотом между ними. Например, по официальной статистике, число лиц, прибывших из Дагестана в любую другую республику СКФО (кроме Чечни) или из любой из этих республик в Дагестан, в 2010 году не превышала ста человек, что на два порядка ниже уровня миграции между Дагестаном и многими регионами русского Юга, Центральной России и Сибири.

Такая внутренняя раздробленность делает Северный Кавказ крайне уязвимым в качестве форпоста России. Возникает существенное противоречие: в геополитическом отношении Северокавказский регион — это единый территориальный узел, прочные позиции на котором могут дать России козырь в будущей борьбе за передел сфер влияния на Большом Кавказе и вокруг него, а во внутривластическом отношении Северный Кавказ — это множество республик, расположенных компактно по отношению друг к другу, но имеющих друг с другом мало общего, кроме границ.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА КАК ДВИГАТЕЛЬ ЭТНИЗАЦИИ

На протяжении 1990-х годов Северный Кавказ (вне известной истории двух войн в Чечне) был известен как территория с сильными межэтническими противоречиями, которые либо выливались в силовое противостояние (конфликт в Пригородном районе в октябре — ноябре 1992 года), либо удерживались на его грани благодаря активной деятельности государственных или негосударственных посредников (конфликт в Новолакском районе Дагестана в 1991–1993 годах; противостояние власти и этнических обще-

ственных организаций в Кабардино-Балкарии в 1992–1993 годах; конфликт в ходе выборов главы Карачаево-Черкесии в 1999 году). Общей чертой всех этих конфликтов является то, что они касались либо территориальных претензий одного региона к другому, либо борьбы за власть в отдельном регионе.

По прошествии 2000-х годов на Северном Кавказе практически не осталось конфликтных узлов, которые касались бы указанных вопросов и при этом были бы связаны с межэтническими отношениями. В частности, крайне искусственной выглядит идея «национального распределения» постов в регионах Северного Кавказа, регулярно муссируемая в федеральных СМИ. Вопреки их утверждениям, массовые протесты по поводу тех или иных кадровых назначений в северокавказских регионах в последние годы не были этническими. Последний раз тема национальности назначенца на высокий пост в республиках в СКФО звучала, по-видимому, в ноябре 2008 года, когда черкесское общественное движение Карачаево-Черкесии «Адыгэ-Хасэ» приняло заявление, в котором выражалось недовольство по поводу назначенца на должность председателя правительства региона. Однако каких-либо массовых акций в поддержку этой протестной позиции засвидетельствовано не было.

Реальная угроза для межэтнических отношений на сегодняшнем Северном Кавказе исходит из совершенно других сфер и напрямую связана не столько с региональной политикой, сколько с хозяйственными вопросами. В качестве примера кратко рассмотрим ситуацию в Дагестане. Начиная с 1920-х годов, а особенно интенсивно — с 1950-х годов, в этой республике шло переселение горцев на равнину, как плановое, так и стихийное. В сельской местности в административном плане это переселение делилось на два потока. С одной стороны, представители горских народов переселялись в села, входящие в состав равнинных районов, — как населенные до этого другими этносами, так и основывавшиеся переселенцами. С другой стороны, горские хозяйства в советское время получали на равнине в пользование значительные площади сельскохозяйственных земель, на которых стихийно возникали поселения горцев.

В постсоветское время республиканским законом от 1996 года эти площади получили статус земель отгонного животноводства и предоставляются в аренду сельхозпредприятиям, зарегистрированным в горных районах; их размер превышает 1,2 млн га.

В последние годы земельные конфликты возникали как вокруг горских сел, входящих в состав равнинных районов, так и на землях отгонного животноводства. Во многих конфликтах подобного рода стороне, противостоящей переселенцам с гор, оказывают помощь общественные организации, выступающие от имени одного из основных народов дагестанской равнины — кумыков. В апреле 2012 года кумыкские активисты разбили палаточный лагерь в северном пригороде Махачкалы — местечке Караман. Лагерь был организован на земле, на которую претендуют три кумыкских поселка, находящихся в черте Махачкалы, однако протестная акция явно вышла за рамки этого конкретного конфликта, объединив кумыкских этнических активистов из разных частей Дагестана.

Данный пример иллюстрирует, как этническая консолидация на сегодняшнем Северном Кавказе может идти «снизу вверх», от локальных конфликтов — к объединениям регионального масштаба. Во многом неясным остается вопрос о том, кто сможет воспользоваться плодами такого объединения. Здесь возможны два сценария, не исключаящие один другого. Во-первых, общественники, оказавшиеся «на гребне» протестных выступлений, могут использовать эту свою позицию в интересах каких-либо политических игроков внутри Дагестана. Во-вторых, этническая консолидация кумыков, тюркского народа, может получить зарубежную поддержку. Сейчас нет свидетельств того, чтобы кто-либо пытался сделать реальным второй сценарий. Однако исключать его полностью не следует ни при каких обстоятельствах.

ИСЛАМ: ЕСТЬ ЛИ ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ СТАБИЛИЗАЦИИ?

Реальная роль ислама на сегодняшнем Северном Кавказе — предмет значительных спекуляций и медийных преувеличений.

Вопреки распространенной в СМИ точке зрения, даже в восточной части Северного Кавказа, в целом более исламизированной, чем западная, говорить о «торжестве шариата» и тотальной замене им российских законов не приходится. Исламские нормы действуют наряду со светскими в довольно ограниченных сферах — прежде всего в семейных отношениях, при урегулировании бытовых конфликтов (например, связанных с ДТП) и проч. В вопросах собственности частые обращения жителей к исламским судьям (кадиям) не отменяют российскую юрисдикцию: например, в Дагестане, как и в других регионах России, сейчас идет процесс государственной регистрации прав граждан на землю. «Подстраивание» практики светских учреждений под исламские нормы — также скорее декларируемый, чем реальный процесс. Например, по нашим наблюдениям, в Дагестане, в том числе в сельской местности, в большинстве общеобразовательных школ не введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Существенными могут быть и различия по «бытовому» влиянию ислама внутри одного и того же региона. Интересны в этой связи данные Территориального органа Росстата РФ в Дагестане за 2010 год: доля детей, родившихся в том году у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, по разным городам и районам Дагестана варьировалась от 35% до 2%. Высокий процент, по мнению многих демографов, означает большое количество браков, регистрируемых только по исламскому обряду. Очевидно, есть районы, где это почти норма, а есть районы, где все иначе. К этому необходимо прибавить, что в СМИ Дагестана идет регулярная и довольно жесткая полемика между сторонниками и противниками роста роли ислама в обществе.

На наш взгляд, не стоит ожидать, что в ближайшем будущем Северный Кавказ ожидают какие-либо глобальные изменения в отношении социальных функций ислама. Однако стабильность или, наоборот, дестабилизация региона во многом зависят от внутренней ситуации в исламской среде, от остроты конфликтов в ней. Как известно, силовое противостояние в ряде северокавказских республик (в Дагестане с конца 1990-х годов, в Кабардино-Балкарии с первой

половины 2000-х годов) было начато в условиях жесткой взаимной оппозиции разных исламских течений, некоторые из которых ассоциировались с местными Духовными управлениями мусульман, а некоторые — нет. Бесспорно, существенным катализатором силового противостояния стали и конфликты между семьями членов НВФ и сотрудниками правоохранительных органов, раскручивавшие спираль взаимной мести. Однако внутрисламские конфликты не следует сбрасывать со счетов, когда речь идет о поиске путей мирного развития ситуации на Кавказе: разумеется, не эти конфликты сами по себе обеспечили силовое противостояние, но все же фон для него составляли именно они. В этой связи в качестве примера интересен нынешний диалог, начатый между представителями разных исламских течений в Дагестане. Он стартовал со встречи религиозных лидеров в Центральной мечети Махачкалы в конце апреля.

Попытки провести некий публичный диалог между разными представителями дагестанского ислама делались еще весной 2011 года. Однако диалог, начавшийся в апреле 2012 года, отличается от предыдущих попыток двумя особенностями. Во-первых, в 2011 году диалогу открыто содействовали региональные органы власти, а также некоторые федеральные структуры. Сейчас, по крайней мере внешне, диалог организован без их участия. Во-вторых, организаторы встреч весной 2011 года предпочитали четко не обозначать их участников как «стороны». Тогда, скорее, пытались создать некое подобие «открытой трибуны», доступ к которой получил бы по возможности более широкий спектр местного ислама. Теперь же прямо указывается, что диалог идет между Духовным управлением мусульман Дагестана (ДУМД) и Ассоциацией ученых «Ахль-Сунна» в Дагестане. Об этом говорится в итоговом документе апрельской встречи, в итоговых документах последовавших за ней «районных» встреч, в публикациях дагестанских СМИ на эту тему. И сами участники диалога в частных и публичных беседах признают, что это именно диалог между двумя организациями, а не некий аморфный «круглый стол», где каждый из участников говорит сам за себя.

Духовное управление мусульман Дагестана принято считать структурой, объединившей «традиционный» и «лояльный властям» ислам этого региона. Оба определения весьма условны. ДУМД — структура, которую формируют сторонники суфизма, крупнейшего мистического направления в исламе, основанного на духовном ученичестве у наставника-шейха. Однако доминирующим течением в дагестанском исламе суфизм (тарикатизм, как чаще называют его в Дагестане) сделался только в первой половине XIX века. Тесный союз ДУМД с властями республики стал зримым только в конце 1990-х годов, после убийства главы ДУМД — муфтия Мухаммадсаидахаджи Абубакарова — и активизации в республике ваххабитских анклавов. В 2010 году, когда главой Дагестана стал Магомедсалам Магомедов, власти фактически прекратили публичную поддержку ДУМД в его споре с оппонентами. Правда, и сейчас многие республиканские чиновники являются последователями (мюридами) того или иного суфийского шейха. Более того, они нередко афишируют этот свой статус. Однако трудно судить, указывает ли это на привластный статус ДУМД как организации. Взаимоотношения между различными дагестанскими шейхами не всегда просты, некоторые из них вовсе не признают авторитет друг друга. ДУМД ассоциируется в первую очередь с шейхом Саидом-эфенди Чиркейским и его учениками, а среди крупных республиканских чиновников, по нашим данным, есть и люди, близкие другим шейхам.

Ассоциация ученых «Ахль-Сунна» (полное арабское название: Ахль ас-Сунна ва-ль-джама'а «люди Сунны и единения») в Дагестане позиционирует себя как объединитель мусульман, не являющихся последователями суфизма. С доктринальной точки зрения, представители «Ахль-Сунны» повторяют все те же «контисуфийские» аргументы, которые звучали в Дагестане еще в начале и середине 1990-х, когда разные исламские течения в регионе контактировали и диспутировали почти без всякого внимания со стороны государства. Сейчас, как и тогда, критике подвергаются некоторые обычаи, укорененные в дагестанском суфизме (паломничество на могилы духовных авторитетов, празднование дня рождения Пророка и дру-

гие), а также сама практика духовного «подчинения» шейху. Все это оппоненты суфизма называют недозванным нововведением в исламе (арабск. *бида'*), а салафизм они определяют как свободу от таких обновлений. Заявление, принятое на первой встрече ДУМД и «Ахль-Сунны» в апреле, касалось в основном именно этих спорных вопросов.

Состав людей, находящихся или находившихся в руководстве «Ахль-Сунна» в Дагестане, весьма разнообразен. «Старая гвардия» — лидеры, участвовавшие еще в богословских диспутах 1990-х годов, такие как Абас Кебедев, активно выступали от имени «Ахль-Сунны» в 2011 году, но сейчас постепенно уступают в публичном пространстве место другим соратникам, в частности молодым проповедникам, собирающим большие аудитории не только в мечетях ряда дагестанских городов, но и в интернете. Заметно также «митинговое крыло» «Ахль-Сунны», ведомое известными в республике адвокатами, которые специализируются на помощи задержанным по подозрению в причастности к бандподполью. Такие задержания становятся поводом для многочисленных протестных митингов. Это та сфера, где представители «Ахль-Сунны» наиболее открыто касаются темы продолжающегося в регионе вооруженного противостояния.

Статистически сопоставить влияние двух центров дагестанского ислама в масштабе республики довольно сложно. Позиции ДУМД наиболее сильны в нескольких горных районах, населенных аварцами (особенно в Гумбетовском и Чародинском), где и в советское время были сбережены суфийские традиции и откуда родом многие нынешние видные представители ДУМД. О какой-либо активности «несуфийского» ислама в этих районах сведения практически отсутствуют. Наоборот, в ряде южных районов, например приграничном с Азербайджаном Магарамкентском, религиозное возрождение сегодня идет, по-видимому, без идейной поддержки со стороны ДУМД (местные жители в интервью там отмечают: «У нас нет суфизма»). Однако в наиболее густонаселенной части равнинного Дагестана — треугольнике «Махачкала — Хасавюрт —

Кизлярский район» — говорить о чьей-либо монополии в мусульманской среде не приходится. Есть крупные населенные пункты (включая поселки в черте Махачкалы), в которых действуют по две мечети — суфийская и салафитская. Есть случаи совместного существования в одной мечети двух групп верующих, не всегда безоблачного. Есть и мечети, никак не «определившиеся» по поводу описанных выше споров.

В настоящее время идут попытки развить начавшийся диалог на уровне районов и даже отдельных сел Дагестана. Очевидно, что Дагестан станет своего рода «пилотным» регионом по внутриисламскому диалогу. Тестирование идеи такого диалога в данной республике должно будет ответить на два вопроса: во-первых, насколько сам по себе диалог реален на длительную перспективу; во-вторых, способен ли успех диалога ослабить вооруженное противостояние между силовиками и радикальными группами, начавшееся в период полного отсутствия подобного диалога. В конечном итоге, ход внутримусульманского диалога продемонстрирует, имеются ли у российского Кавказа внутренние ресурсы для стабилизации обстановки и сможет ли Россия рассчитывать на них при обеспечении безопасности на своих южных границах.

События августа 2012 года поставили под вопрос саму перспективу диалога. Два громких преступления, совершенных в Дагестане в этом месяце, — убийство ключевого суфийского шейха Саида-афанди Чиркейского (Ацаева) и стрельба в одной из мечетей города Хасавюрт, в результате которой были ранены восемь представителей местной шиитской общины (один позднее скончался), — явным образом были направлены на обострение отношений между разными мусульманскими группами региона. Первая реакция представителей суфийского ислама на убийство шейха показала, что в их рядах имеются различные мнения по поводу того, возможен ли диалог с представителями «Ахль-Сунны». Старое отчуждение частично вновь выходит на первый план. Кроме того, убийство Саида-афанди вызвало к жизни в дагестанской СМИ и блогосфере вопрос о том, в какой мере те или иные участники внутриисламских переговоров

способны влиять на «лес». Все эти обстоятельства не делают пред-
решенным конфронтационный сценарий, но создают серьезные вы-
зовы для диалога.

ПРИГРАНИЧНАЯ ДЕПРЕССИЯ

Из всех республик Северного Кавказа только две — Северная Осетия и Дагестан — имеют транспортное сообщение через государственную границу. Трансграничные контакты Северной Осетии зависят в первую очередь от дипломатической и военной ситуации вокруг Республики Южная Осетия. Что же касается Дагестана, то его зона соприкосновения с Азербайджаном не получает значительного внимания как со стороны политиков федерального и даже республиканского уровня, так и со стороны экспертов.

Дагестано-азербайджанская граница разделила исторические ареалы проживания нескольких народов — лезгин, аварцев, цахуров, рутульцев. В 1990-е годы основной проблемой приграничья была ситуация на пунктах пропуска на пограничной реке Самур: коррупция и неоперативность работы пограничников и таможенников обеих стран делали преодоление границы крайне длительным и затратным предприятием. Однако в последние годы усугубились и другие проблемы. Российско-азербайджанский договор о границе, подписанный в Баку 3 сентября 2010 года, оставил под контролем Азербайджана водозабор на реке Самур, вода из которого уходит в Самур-Апшеронский канал для водоснабжения городов Баку и Сумгаит. При этом недостаток воды в низовьях Самура затрудняет ведение сельского хозяйства в этой части Дагестана. Это, наряду с большими объемами импорта плодоовощной продукции из Азербайджана, осознается местным населением как проблема, вызванная слабостью российской власти в урегулировании приграничных вопросов. Дальнейшее усугубление хозяйственных трудностей в пограничной зоне может поставить под вопрос лояльность ее населения российской власти.

ВЛИЯНИЕ ГРУЗИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Когда говорится о влиянии Грузии на Северном Кавказе, обычно имеется в виду поддержка, которую Тбилиси оказывает черкесским национальным организациям в западнокавказских республиках. Распространенный взгляд на эту проблему включает два весьма существенных заблуждения. Первое состоит в том, что попытки оказывать влияние на Северный Кавказ Грузия якобы делает только через черкесские организации, а второе заблуждение — в том, что для работы в черкесской среде Грузия якобы использует маргинальную, непопулярную в широких слоях черкесского социума идеологию. Оба эти заблуждения создают принципиально неверную картину активности враждебного России государства на Северном Кавказе.

Относительно «сферы действия» Грузии на Северном Кавказе необходимо отметить, что она в действительности простирается значительно шире черкесского сообщества. Тбилиси активно ищет контакты с представителями гуманитарной среды всех северокавказских республик, учившимися в советское время в Грузии: их приглашают на конференции, некоторым предлагают работу. Выделяются гранты и для молодых гуманитариев и журналистов. Практически во всех республиках создаются сетевые сообщества из представителей гуманитарной молодежи, посещавших семинары в Грузии. Что касается этнических активистов, то и с ними Грузия работает вовсе не только в Дагестане. Например, в конце 2010 года грузинские парламентарии принимали делегацию, прибывшую от имени цезов (дидойцев) — коренного народа высокогорного западного Дагестана, чья родина находится на границе с Грузией и который с ней исторически был тесно связан. По сообщениям грузинских СМИ, делегаты рассказывали, «как с ними обращаются в России». Правда, вскоре мандат делегатов на такие заявления от имени целого народа был поставлен под сомнение, и какого-либо заметного продолжения эта история не получила. Однако факт сбора подписей под обращением к парламенту Грузии в Цунтинском районе Дагестана, на исторической родине цезов, подтверждается рядом свидетелей.

Также есть свидетельства того, что Грузии нередко успешно удается позиционировать себя как образец страны, победившей коррупцию и установившей у себя демократические нормы. Такой имидж Грузии нередко обретает и в глазах общественников, достаточно далеких от гуманитарной интеллигенции, то есть той аудитории, на которую непосредственно обращены грузинские проекты на Северном Кавказе. Например, в заявлениях многочисленных дагестанских «антикоррупционных комитетов», создаваемых в районах и селах для борьбы с незаконным присвоением чиновниками земли и другими злоупотреблениями, Грузия регулярно упоминается как потенциальный защитник протестующих. Протицируем обращение одного из таких комитетов к полпреду президента РФ в СКФО А. Г. Хлопонину (с сохранением особенностей стилистики оригинала):

«Очень хотелось бы знать, когда Ваш взор падет и в нашу Республику или Вы и дальше намерены заниматься только Чечней. Хотя в то время, когда последняя цветет и расцветает, мы, Дагестанцы, тонем в пучине коррупции и беспредела чиновников... Ужасное положение людей вынуждает выходить на митинги против коррупции. Очередной такой митинг был проведен 03.10.2011 в гор. Махачкала, на площади Ленина, где люди вышли с плакатами «Нет коррупции, Нет чиновничьему произволу», «Долой беззубую, слепую и глухую прокуратуру РД, **Грузия помоги нам обрести демократию**» (выделено мной. — К. К.) и это только начало».

То есть Грузия воспринимается борцами с чиновничьим произволом как потенциальный защитник, потому что, как считается, сама с этим произволом справилась. Мы не можем утверждать, стало ли такое восприятие результатом целенаправленной работы Грузии с данной частью северокавказского социума или же опосредованным эффектом пропагандистских усилий, направленных на интеллигенцию. В любом случае ясно, что, расширив свое присутствие на Северном Кавказе, Грузия легко обретет там новые группы поддержки. Такая перспектива гарантирована при нынешних особенностях северокавказской жизни, постоянно генерирующих протестную активность населения: высоком уровне коррупции,

«непрозрачности» земельных отношений, отсутствии независимых правовых механизмов разрешения хозяйственных конфликтов.

Что касается черкесского движения, то «особые отношения» с ним Грузии основаны прежде всего на признании грузинским парламентом «геноцида черкесов» в годы Кавказской войны. Это решение парламент принял 20 мая 2011 года. При этом начиная еще с 2009 года в Грузии стали регулярно проводиться конференции по «черкесскому вопросу», на которые приглашались в том числе и черкесские общественники из регионов Западного Кавказа. Круг этих общественников был достаточно узок, «узнаваемость» многих из них в собственных регионах, возможно, невысока. Однако есть множество свидетельств за то, что идея признания «геноцида» имеет в черкесской среде поддержку, выходящую далеко за пределы этого достаточно ограниченного круга лиц. Достаточно сказать, что первая в постсоветской России книга под названием «Геноцид адыгов» была выпущена в Нальчике еще в 1992 году. Уже в первой половине 1990-х черкесская интеллигенция, воодушевленная открывшимися возможностями сотрудничества с зарубежной черкесской диаспорой, выработала основные положения «исторической политики», которые теперь являются практически общепризнанными у общественно активной части черкесского населения России. Даже лидеры наиболее пророссийски ориентированных, лояльных северокавказским региональным властям черкесских организаций практически никогда не позволяли себе негативно высказываться по поводу идеи признания «геноцида». Этот консенсус в черкесской среде столь явен, что властям регионов, где имеется черкесское население, неоднократно приходилось, например, отменять празднование юбилеев исторических событий (преимущественно эпохи Кавказской войны), по которым в черкесской среде доминирует негативная оценка. Так, власти Адыгеи в 2007 году отказались от идеи празднования 150-летия города Майкопа, против которой выступали многие черкесские активисты (в 1857 году Майкоп был основан как русская крепость). Вопреки первоначальным планам, День города в тот год провели без официального упоминания о юбилее.

Таким образом, влияние Грузии в черкесской среде достигается поддержкой той идеологии, которая и без грузинского участия имеет там сильные позиции. Следовательно, перспективы этого влияния выглядят особенно благоприятными.

ВЫВОДЫ

Итак, южный российский «фронт», образуемый республиками Северного Кавказа, имеет целый ряд внутренних проблем. Очевидно, что их необходимо учитывать при построении внешнеполитической линии России на Кавказе: при любом внешнем обострении закономерно обострятся и проблемы «фронта», хотя бы потому, что это обострение будет выгодно геополитическим соперникам страны.

Нынешняя слабость северокавказского «фронта», как мы попытались показать выше, обусловлена, в частности, следующими причинами:

- внутренней раздробленностью Северного Кавказа, отсутствием объединительных политических стратегий;
- рисками нового осложнения межэтнических отношений, основанного не столько на политических, сколько на социально-экономических факторах;
- раздробленностью в исламской среде, неясностью перспектив «исламского примирения»;
- особыми проблемами на территориях, непосредственно примыкающих к госгранице;
- высоким уровнем коррупции, слабостью правовых механизмов, что используется соседними государствами для повышения своей репутации на Северном Кавказе.

Каждая из этих проблем как будто не связана с остальными. Однако любая попытка укрепить кавказские позиции России неминуемо потребует решения всех этих проблем, а значит, решать их надо будет в рамках единой системы мер.

Модест Колеров

НОВЫЕ ТОЧКИ ВЗРЫВА: КУРДИСТАН, КАРАБАХ, РОССИЯ

Даже радикалы не могли предугадать, насколько быстрой будет деградация Старого Света. Потребительский социализм Европейского Союза уже не может финансировать не только его расширение, но и даже своё «право на лень». Террористически-рейнджерские «арабские революции» душат Израиль — главный оплот Запада на Ближнем Востоке. А здесь главными врагами Запада неожиданно быстро — после десятилетий двойных стандартов — стали именно светские автократы и технократы, а главными союзниками — исламизированные террористы и монархические диктатуры.

В этих условиях сформулированные политическим классом России законные, но клановые и абстрактные требования внутренних перемен — о процедурах раздела власти, о доступе к деградировавшей пропаганде, но не о безопасности, — вновь, во второй раз за последние 20 лет, обнажили нашу крайнюю незащищённость: каждое, даже мимолётное ослабление власти и помутнение её мозга ослепляет всё тело большой страны, которая уже не политически «благодаря», а экономически «вопреки» борется за выживание. Власть раскола, а «мозг нации», обслуживая этот раскол, легко идёт на любую сделку с политическим дьяволом, лишь бы снять с себя ответственность за благополучие и безопасность страны, бездарно надеясь, что комфортный «порядок из хаоса» установится сам. Но там, где вместо конкуренции — расхищение ресурсов, вместо равнове-

сия — раскол и расчленение, а вместо новых лидеров — старые советские компрадоры, однажды уже продавшие чужой коммунизм, а теперь продающие свой политический национализм и государственность, — хаос может породить только хаос. И сдать последнее: ломоносовский ещё неприкосновенный запас Русского Севера, — сдать тем, кто, обанкротив свой «сияющий град на холме», убивает «арабскими революциями» Европейский Союз и взрывает Евразию, чтобы в её пламени сжался Китай и долларовые долги обнулились.

Иудео-христианский Восток и Запад, исламский Восток одинаково быстро идут к катастрофе: мания величия, самоубийственное невежество и кабинетный цинизм их многочисленных игроков в «мировое большое правительство» не даёт им понять, что на каждого Франкенштейна есть воспитанный им палач, а на каждый исторический эксперимент — ядерный хаос. Не «порогового» Ирана, а давно перешедших этот порог Индии, Пакистана, Израиля.

Перед лицом этой близкой катастрофы внешние и внутренние эмигранты из России пытаются не вспоминать, что не виртуальная глобализация, дающая игроку несколько «жизней», а вся человеческая история полна проигравших, исчезнувших, уничтоженных обществ и государств — и не знает ни одного примера безнаказанного исторического эксперимента. И тот, кто ради «мира во всём мире» нарушил принцип Маргарет Тэтчер о том, что «мир — только с позиции силы», — уже погубил свой народ и отдал его на съедение «демократической» инквизиции. И тот, кто — как Россия — бессильно трясёт бумагой ООН перед лицом Запада, Турции, Саудовской Аравии и Катара, политически, финансово, военно-технически, информационно, разведывательно и террористически создавших геноцидальную «оппозицию» в Сирии, — убивает не только Сирию, но и себя.

1. Сирии, какой мы её знали, больше не будет. Но и обещанных предвыборным внешнеполитическим советником президента США Барака Обамы, русофобом Збигневом Бжезинским «глобальных Балкан от Косово до Синьцзяна» — тоже не будет. Не для того США пожертвовали своим честным воином Мубараком, не для того США приносят в жертву террористическим «арабским

революциям» своего верного союзника — Израиль, чтобы дать ЕС и России, граничащим с «Большим Ближним Востоком» хотя бы намёк на фальшивую стабильность Балкан. Впереди — рукотворный хаос, только на первый взгляд выглядящий ручным и управляемым. Здесь растёт вакуум. И этот вакуум тоже — желанный результат для США, ибо главная цель хаоса, идущего с Арабского Востока на острие «Нового Шёлкового пути» через Среднюю Азию (в Центральную Азию АфПака он уже пришёл) — Китай.

В вакууме «Большого Ближнего Востока» разворачивается новый, альтернативный антиамериканскому Ирану, гигант, потенциально объединяющий этнический монолит в пятьдесят миллионов человек. Это — неизменно поддерживаемый США и Израилем новый Курдистан, который расчленил Ирак, Сирию, Турцию и, как минимум, уравнивает Иран. У России нет оснований считать новый независимый Курдистан исторической катастрофой или отрицать право курдов на собственную государственность, которую они вправе самостоятельно подчинять любым коалициям интересов. Пока это не угрожает интересам и безопасности России.

Но у России до сих пор нет публичной, рассчитанной на долгосрочную перспективу, профессионально и критически обсуждённой позиции в отношении будущего Курдистана как ключевой страны региона. Что может предложить национальным интересам России в Курдистане её дипломатия? Что может позволить себе политическая власть? Каковы будут просчитанные цепные реакции вокруг Курдистана в зоне жизненных интересов нашей страны и её народов? Что, наконец, может стать внешнеполитическим консенсусом в политическом классе страны в отношении Курдистана? И что будет требовать он от своей власти и её дипломатии в Курдистане? Подобные вопросы ещё не стали привычными для внешней политики России. Но в повестку дня их поставит сам «мировой пожар», от которого прятаться за бумажное различие компетенций уже не получается.

Поддержанный США и (более всего ради переноса конфликтной активности подалеке от своих границ) Израилем независимый Кур-

дистан извне и изнутри резко ослабляет Турцию и ставит её перед выбором: рискованная борьба против курдов в Турции и вне её или отступление перед ними в Турции и рядом. Перспектива первого сценария повлечёт за собой травматический для «нео-османской» государственности взрыв, перспектива второго — «эффект домино», столь же травматический для нео-османизма. Массированный приход американских корпораций в экономику независимого Курдистана делает обязательным предоставление ему гарантированного вплоть до экстерриториальности внешнеэкономического коридора: через Турцию или через Сирию, примерно так, как сейчас он действует из Каспия в Турцию, де-факто экстерриториальный для Баку, Тбилиси и угроз Степанакерта и Еревана. И без того перегруженные конфликтами страны региона (даже при том, что первой независимость Иракского Курдистана признает, например, Грузия) психологически не готовы к реальности Курдистана. К уважению его законных прав — ещё меньше. Мир уже крепко забыл недавний ландшафт региона, просто разделённый между Российской империей — Османской империей — Персией или СССР — Турцией — Ираном. На их стыке, по мере отступления России и Турции и по мере роста анекдотичности проекта «евроинтеграции», множится число новых государств, почти последним из коих является государство курдов. Ко всё более легитимному фрагментированию Закавказья в лице Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха на политической карте пространства появляется «джокер» Курдистана, вокруг которого США в пору строить новую «Малую Антанту» своих закавказских протекторатов.

Курдистан неизбежно открывает дополнительный к азербайджанскому фронт против Ирана. И делает уже излишними размышления о том, с каких позиций Израилю удобней атаковать ядерные объекты Ирана. Он делает реальным ещё один (кроме «Южного Азербайджана») *casus belli* — для Ирана, сколь бы ни были велики для него её издержки. Стать союзником Ирана Курдистан не сможет, перестать быть союзником США и Израиля — тоже, возможности эксплуатации курдской элитой «русского» исторического

следа в интересах посредничества России в его отношениях с Ираном — невелики и почти исчерпываются традиционно политически пассивными редкими коммерческими сделками. При почти исключительно информационных вояжах русской дипломатии в Курдистан, без езидско-кавказского хора за спиной, не советскую же поддержку освободительной борьбе курдов против Турции Москва может тут, в самом деле, напоминать... Не советский же «красный Гилян» и коммунистическое подполье в Иране 1920–1940-х, не широко рекламируемые ныне из Азербайджана претензии сталинских азербайджанских властей на Южный Азербайджан в Иране?

Курдистан, особенно при идущем быстром ослаблении внутрирегиональных границ между Азербайджаном, Грузией и Турцией, станет конечным южным пределом Закавказья, куда переместится часть «избыточной» деловой активности из Баку и Тбилиси, и почти замкнёт кольцо недружественной активности вокруг Армении, оставляя ей простой выбор между дальнейшим таможенно-коммуникационным поглощением со стороны Грузии в некое подобие закавказского Бенилюкса — и... ещё более грубым экономическим аншлюсом со стороны Грузии. Геополитическое ослабление Армении и появление на государственной сцене ещё одного исторически не примирённого участника геноцида армян в Османской империи 1915 года — курдов — объективно вновь выводит на первый план армянской политики уже не проблему свершившегося выбора между системами гарантий: от военных в ОДКБ — к политическим в НАТО и США, — а непропорционально значимую (по сравнению с демографическим весом) проблему контроля над Нагорным Карабахом.

2. Нерешённость и нерешаемость при настоящих условиях проблемы независимости Нагорного Карабаха делает его объектом отдельного политического сценария, при котором повязанность Азербайджана с антииранскими усилиями США и Израиля (включая сталинский по сути проект «Южного Азербайджана») и обострение этих усилий в связи с Курдистаном — более чем когда бы то ни было в последние годы нейтрализует военную активность Баку в отноше-

нии Карабаха. А новое пристрастие США к истреблению светских диктатур на пути к торжеству радикального исламизма — нейтрализует суверенитет президента Алиева.

Экстрадиция из Венгрии в Азербайджан азербайджанского офицера, осуждённого на пожизненное заключение за убийство на курсах НАТО своего заведомо беспомощного (спящего) армянского коллегу — убийство по мотивам острой этнической ненависти, — и его помилование президентом и награждение в Азербайджане именно за это убийство — такова новая реальность, не только подтверждающая крайнюю, истребительную грань урегулирования карабахского конфликта, но и циничное бесчувствие Венгрии, члена ЕС и НАТО, к ценности межэтнических отношений там, где ЕС и НАТО безапелляционно утверждают свою евроатлантическую перспективу, а Баку и Ереван безропотно ей присягают. Политический взрыв вокруг этой скандальной экстрадиции ясно и просто указывает на поистине кровавое море, которое шевелится в Закавказье под евроатлантической демагогией.

Протекторат США над Нагорным Карабахом имеет своей целью сотворить в Закавказье ещё один «непотопляемый авианосец», ликвидировать историческое присутствие России в Карабахе, гораздо более давнее, нежели чем в Армении, гарантировать стабильность своего ключевого присутствия в регионе, независимо от переворотов в Баку, Тбилиси и Ереване. На краю вызываемого хаоса в Иране и далее на Восток — везде. Для нового американского — принципиально фрагментированного — «Большого Ближнего Востока» потенциальная неравная и динамическая «ось» Курдистан — Карабах технологически легко представима, особенно если учесть, что в море будущих событий именно Курдистан и Карабах занимают два фланга борьбы и два прикрытия энергетических коммуникаций на Запад.

На север от Закавказья также ожидается море конфликтных событий, узлами в которых окажется столь давно и часто вспоминаемая в Азербайджане ради аналогии с Карабахом и ради «сдерживания» российских симпатий к Карабаху потенциально сепаратистская Ка-

заны. Конспирологам даже покажется, что вовсе не случайно — вдали от своих обычных путей — Казань посетила государственный секретарь США Хиллари Клинтон.

3. Обанкротившийся как бездотационный субъект федерации Татарстан действительно ранее других «титulyных» национальных регионов России поставил вопрос о своей фактической независимости и с большой неохотой отказался от её атрибутов. Одним из способов финансовой поддержки Татарстана стал проект «политических инвестиций» в республику в связи со всемирной Универсиадой 2013 года. Этнoязыковой раскол между этнократическими претензиями кланово-бюрократической монополии и многонациональным населением республики, естественным образом выбравший своим консолидирующим фундаментом русский язык, стал очевидной реальностью даже на фоне современной национальной политики в России. Той самой национальной политики, что какое бы то ни было перспективное развитие многонациональной государственности подменило бюрократическими сделками с этническими и «титulyными» кланами, до сих пор заменяя кричащую потребность в «национальном Госплане» недееспособными комиссиями с участием такого крайне дееспособного и эффективного в роли «десталинизатора», ведущего свою «гражданскую войну», как Сванидзе. Действительно: не разжечь ли ещё «десталинизацию» в национальном вопросе, столь преждевременно локализованную в Пригородном районе?

Этнoязыковой раскол, растущий из этнократических кабинетов в Казани и многолетних заигрываний этнократов с местными шовинистами, ведущими свою борьбу против «русской оккупации», трагически, всегда не вовремя, но несомненно логически выразился в последнее время в актах террора, за которыми с не меньшей очевидностью встаёт суровая реальность масштабного террористического подполья в Поволжье, в Казани уже открыто выступающего под лозунгами «исламизма». Степень исключительной агрессивности этого подполья видна уже из того, что его первыми известными жертвами стали лидеры мусульманской общины

Татарстана. Универсиада в Казани 2013 года станет целью этого подполья, истреблению которого слишком долго препятствовала его «духовная» связь с местными шовинистами. Быстрейшему истреблению которого теперь препятствует крупнейший за последние годы общественно-конфессиональный кризис в России, когда инструментальной мишенью политических переворотов стала Русская Православная Церковь.

Нет теперь для государственных интересов России и независимого российского политического класса, на который привычно надеется народное большинство как на гаранта межнационального и межконфессионального мира в стране, способного поддерживать образ России как острова (остова!) имперской интернациональной стабильности — на пути приближающихся с юга фронтов межнациональной и межконфессиональной резни. Именно поэтому лето 2012 года для политического класса России стало временем обсуждения не действительно критически важных для перспектив экономики и государственности России «арабских революций», проблем реконфигурации системы безопасности в Средней Азии под США, практических последствий вступления России в ВТО, практики евразийского Таможенного союза, тупика либеральной пенсионной системы, бюджетно-финансового краха Европейского союза и т. д., а временем медийно-символического, то есть манипулятивного, доминирования антицерковной акции Pussy Riot, о которой — почти единственной в отношении текущих проблем России и российских интересов! — хором и с поучениями в адрес России отозвались президент США, канцлер Германии и даже МИД Латвии. Вот какой симулякр и фальсификат, а вовсе не Сирия, не новый Афганистан, не собственная пенсионная старость, стали в центр борьбы российского политического класса, прекратив его политически независимое и национальное существование.

Поддержанная медийно-политическим либерально-бюрократическим меньшинством против социал-консервативного большинства, порнографическая группа Pussy Riot легитимировала религиозную рознь как инструмент достижения общественно-политических

целей. Какой логике государственной жизни и права будет теперь соответствовать борьба Москвы против разжигания межнациональной и межконфессиональной розни не только на Северном Кавказе или в Поволжье, но и хотя бы против ксенофобии в мегаполисах, в которой надэтнично объединяются «тутейшие» против «пришлых», а власть обычно встаёт на сторону защитников местных, традиционных, обыденных ценностей, привычно требуя себе новых полномочий для борьбы с незаконной миграцией. Политический успех дела Pussy Riot показал, что теперь в метрополии нет общих надконфессиональных ценностей, а Русская Православная Церковь, в силу вменяемой её «симфонии» с политической и государственной властью, разрушаемая вместе с этой властью, — «первая среди незащищаемых медиа», в то время как не менее лояльные к власти другие традиционные российские конфессии (ислам, иудаизм, буддизм, с недавних пор — старообрядчество) очевидно пользуются большей защитой власти и солидарного с ней в этом политикомедийного меньшинства. В такой ситуации нет формальной логики, нет церковного равенства, нет главного — борьбы за религиозную свободу и свободу совести.

Но есть «логика политической борьбы», как говорил гениальный мастер разрушения государств и революционной борьбы, великий циник и оппортунист, способный принести в жертву собственные страну и народ, — лишь бы полученная в итоге власть была террористической, диктаторской и тотальной. Есть «логика политической борьбы», говорил Ленин.

И следующей точкой взрыва России, независимо от результатов диверсионно-террористических усилий подполья на Универсиаде в Казани в 2013 году с её десятками тысяч потенциальных заложников, будет Олимпиада в Сочи 2014 года, публично и официально объявленная властями Грузии как новая антироссийская цель, публично объявленная сторонниками Pussy Riot как новая мишень политической деструкции и мобилизации радикальной оппозиции. Здесь будет задействована уже давно отмобилизованная Грузией (и, конечно, не одной только Грузией, не самовольным её решением)

вокруг мемориализации и политизации «геноцида черкесов в Российской империи» северо-кавказская общественность, которой также почему-то выгодней временно «не замечать» подпольные выводы из шовинистической пропаганды, сохранять молчаливую солидарность с радикалами, в надежде на профит «политического крыла» над «подпольным крылом», разрушающего федеративную государственность России в интересах уже расколовшей свою государственность Грузии. Здесь знаменем станет очередной бойкот вокруг новой «правозащитной» темы, оснащённый явственной угрозой терроризма, новой войны против независимости Абхазии и Южной Осетии, провокации против России, в которой провокатору, предположительно действующему с территории Грузии и от имени Грузии, будет предложена масштабная внешняя военная «помощь», для которой миллионы людей в олимпийском Сочи станут готовыми заложниками для диктата и убийства России.

Это — война, это — новая Отечественная война, для победы в которой России жизненно важны единый народ и ответственная власть. И для поражения России в которой единый народ и ответственная власть уничтожаются день за днём.

ТОЧКА ВЗРЫВА

РОССИЯ, КАВКАЗ
и БЛИЖНИЙ ВОСТОК

сборник статей
под редакцией М. А. КОЛЕРОВА

Сентябрь 2012

Издательский дом «Регнум»

115088, Москва, 2-й Южнопортовый проезд, 16, стр. 1, офис 227

www.ridr.ru

Подписано в печать 10.09.2012. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Гарнитура Officina. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,75. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «СМУК»
150014 Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2